

ПОЛИНА ЗМЕЕЯД

ЧАЙКА-НЕВЕСТА
ЕГО СВЕТОСТИ

18+

Полина Змееяд

Чайка-невеста Его Светлости

<https://litres.ru/74201337>

SelfPub; 2026

Аннотация

Раз в десять лет в Империи проходят выборы нового Примарха. Для уходящего правителя в числе прочих прощальных подарков устраивают отбор невест, чтобы он мог провести остаток жизни, наслаждаясь семейным счастьем.

Рихард о семейном счастье не мечтает. Десять лет назад он сломал ту, которую мог бы полюбить, и теперь все, чего он хочет – чтобы она наконец сломала его в ответ. Саманта, десять лет назад подарившая ему путь к желанной власти, принимает вызов.

#отбор невест

#тайна темного прошлого

#любовь и ненависть сквозь годы

#герои не исправляются

#специфический ХЭ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	36
Предыстория #1	44
Глава 6	54
Глава 7	64
Глава 8	73
Глава 9	81
Глава 10	91
Глава 11	100
Глава 12	109
Предыстория 2	116
Глава 13	126
Глава 14	135
Глава 15	144
Глава 16	151
Глава 17	160
Предыстория #3	171
Глава 18	184
Конец ознакомительного фрагмента.	185

Полина Змееяд Чайка-невеста Его Светлости

Глава 1

Дисклеймер!

Этой книгой я ничего не пропагандирую, ничего не оправдываю и ничего не осуждаю. Только показываю ситуацию. Пусть она станет для вас своеобразным тестом Роршаха: все, что вы в ней увидите – только ваше.

! В тексте затрагивается тема сексуального насилия.

! Алкоголь вредит вашему здоровью.

Приятного прочтения!

Кабинет примарха Рихарда Нейдва

– Сопроводительные письма к приглашениям для невест готовы, Ваша Светлость, – секретарь положил на стол примарха Совета мудрейших стопку писем. – Изволите проверить?

Пока избранный Советом глава Империи медленно просматривал тридцать листов с абсолютно одинаковым текстом, помощник несколько раз оттянул узловатым пальцем край воротника и вытер со лба испарину.

Примарх не проверял формальную мелкую корреспонденцию с тех пор, как почти десять лет назад принял свой пост. И чем дольше вчитывался в письма, тем сильнее бледнела морщинистая кожа секретаря.

Он впервые увидел нового примарха десять лет назад и сразу подумал о статуе кровавого тирана, которая стояла на заднем дворе. Ее давно обезглавили, но секретарь искренне полагал, что если бы у нее было лицо, то это было бы лицо Рихарда Нейдва.

Всегда сжатые в линию и без того тонкие губы, грубая челюсть и строгая линия лица в обрамлении волнистых каштановых волос с рыжиной, тяжелый взгляд серых глаз из-под низких прямых бровей. Назвать его привлекательным можно было лишь с большой натяжкой и только после пары-тройки рюмок крепкого южного, но было в нем что-то от древних царей, профили которых до сих пор красовались на старинных монетах: заставляющее склонить голову, но вместе с тем не дающее отвести взгляд.

Правитель остановился на одном из писем и помощник попытался припомнить, не совершил ли ошибку. Но он был уверен: все тексты безупречны, как им и полагается.

Рихард Нейдв задумчиво пробежал взглядом по формаль-

ным строкам приветствия и благодарности, смял лист и бросил в плетеную корзину для бумаг.

– Это никуда не годится, – тихо сказал он.

Секретарь побелел еще сильнее. Дрожащими руками вытащил из нагрудного кармана платок и промокнул верхнюю губу. До сих пор примарх всегда был доволен его работой, подобное случалось впервые.

– Прикажете переписать все? – спросил он, старательно борясь с дрожью в голосе.

– Нет. Пожалуй, послание для послушницы Саманты из монастыря хаоса я напишу сам. Остальные письма меня устраивают, можешь запечатывать в конверты, – ответил примарх, делая вид, что не замечает волнения подчиненного.

А может и вправду настолько погрузился в свои мысли, что не видел ничего вокруг.

Секретарь с поклоном забрал со стола оставшиеся письма и поспешил скрыться за дверью кабинета. Только в приемной он смог облегченно выдохнуть.

Лукас Филч, начальник личной охраны Рихарда, с момента прихода секретаря сидел в кресле и молча наблюдал за происходящим. Однако теперь растянул тонкие губы в хищной улыбке. Его горбоносый уверенный профиль и сутуловатая длинная фигура делали его похожим скорее на стервятника, чем на воина, и это первое, ошибочное впечатление часто становилось роковым для его соперников как в бою,

так и в политике.

– Наша Чайка теперь не просто послушница, а старшая. Даже имя новое получила, мне доложили неделю назад, – сказал он после того, как дверь за секретарем закрылась. – Не забудь упомянуть об этом, если хочешь, чтобы она ненавидела тебя еще сильнее.

– И как же ее нарекла настоятельница? – заинтересовался третий участник разговора, который прежде стоял и смотрел в окно на пасмурное небо.

Личный шпион примарха в министерстве финансов – Фридолин Януш – невысокий, широкоплечий, с правильными, но грубыми чертами простого лица, на котором только острый взгляд выдавал интеллект, и широкими руками. Он гораздо больше походил на воина и когда-то в самом деле был хорошим мечником. Но старая травма оставила времена его сражений позади.

– Ее новое имя – Уста богини, – охотно ответил Лукас.

– Неудивительно. Для *моей* Чайки в самый раз, – губы Рихарда дернулись в едва заметной улыбке.

В тишине, которая на несколько мгновений повисла в комнате, чувствовалось молчаливое согласие. Все трое полагали, что настоятельница не могла выбрать имени лучше.

Фридолин отмер первым.

– Может, понимание, что ты следил за ней все это время, и в самом деле уязвит Саманту, но сомневаюсь, что усилит ненависть. Однако я уверен, что хохотать она будет почти

так же, как и в то утро, – отметил он. – Как думаешь, Рихард, что она скажет, когда увидит письмо?

Примарх уже закончил лаконичный текст и потянулся за конвертом.

– Понятия не имею, – покачал головой он. – Но жаль, что не смогу слышать ее, когда она его прочтет.

Его бывшие соратники, а ныне подчиненные, синхронно кивнули. Они бы тоже не отказались понаблюдать за реакцией послушницы.

– Но кроме шуток: хорошая ли идея приглашать ее на смотрины? Может, в этот раз лучше вообще обойтись без хаосток? – спросил Лукас, заметив, что Рихард тянется не к печати главы совета, а к личной, родовой, на которой изображена остромордая и остроухая голова охотничьего пса.

– В предыдущих отборах послушницы монастыря хаоса участвовали, приедут и на этот, – отрезал Рихард, вдавливая печать в горячий сургуч.

– Предки прошлых примархов не были “гончими кровавого тирана”, – напомнил Лукас. – Если Саманта начнет выделяться – а она начнет – тобой снова могут заинтересоваться сторонники абсолютной монархии. А вслед за ними и те, кто боится, что ты узурпируешь власть. Как бы тебя не прикончили прямо у алтаря.

– Вот и займешься тем, чтобы этого не произошло. Впрочем, не слишком усердствуй. Сомневаюсь, что я до алтаря вообще дойду.

Рихард потряс конвертом, убеждаясь, что с печатью все в порядке.

– И все же я не понимаю, зачем так рисковать, – упорствовал Лукас.

– Ради веселья, – пожал плечами Рихард. – Когда в последний раз тебе было так же весело, как в те десять дней на пути из Деметера?

Фридолин цыкнул и покачал головой.

– Это грязное веселье, Рихард, – спокойно возразил он и без труда выдержал тяжелый взгляд правителя. – К тому же не припомню, чтобы тебе нравились шутки такого рода. Уж не хочешь ли ты откупиться за все, что сделал?

– Политика никогда не была чистой, – философски заметил примарх, глядя на письмо. Последнюю реплику шпиона он оставил без ответа.

– Что там с документами из старого замка Нейдв? Ты что-нибудь нашел? – равнодушно перевел тему Рихард, будто тут же забыв про разговор о чайке.

Фридолин укоризненно покачал головой.

– Пока нет. Не уверен, что записи вообще сохранились, – все же ответил он.

– Ищи. Что-нибудь об этом проклятом ритуале должно было остаться, – возразил Рихард и посмотрел на конверт, который все еще крутил в руках.

Родовая печать даст Саманте знать, на чей зов ей предстоит откликнуться. Если не захочет – может просто не при-

нять приглашение. По крайней мере, Рихард надеялся, что за минувшие десять лет его чайка наконец научилась говорить “нет”.

Глава 2

Библиотека монастыря Матери Хаоса

Фридолин не ошибся в прогнозе: Саманта действительно хохотала, сжимая в тонких пальцах распечатанное письмо. Ее совсем не мелодичный смех, напоминающий плаксивый крик чайки, разносился по библиотеке, и казалось, сама вековая пыль возмущается столь шумной реакции.

Служка – девочка лет семи, босая и в сером халате, перевязанном широким кушаком – испуганно смотрела на старшую послушницу, которой только что доставила послание. Малышка испугалась, когда ее наставница начала хохотать, но не могла оторвать взгляд от серебристой косы, пыльного загара кожи и ямочек на впалых щеках.

Ее подруги говорили, что Уста богини уродина, но малышка им не верила: они злились, потому что получили нагоняй на ее занятиях. Впрочем, девочка не могла бы сказать, что ее наставница красива в том смысле, в каком женщин называют красавицами: ее лицо оставалось худым, щеки – впалыми, длинный нос с горбинкой напоминал птичий клюв. Но было что-то в глубокой, болотистой зелени ее широко распахнутых глаз, и в чувственной линии нежных губ, что делало ее нос не уродством, а изящной изюминкой внешности. Служка видела немало красивых женщин, но никогда не видела тех, которые походили бы на Саманту.

Веселье сделало старшую послушницу удивительно живой. Правда, даже девочка чувствовала в ее раскатистом смехе затаенную горечь. Что уж говорить о других посетительницах библиотеки, которые разом обернулись на нее.

– Иди, готовься к уроку, – ненадолго прервав веселье, Саманта махнула рукой.

Получив разрешение, служка тут же исчезла, а Саманта расхохоталась вновь.

– Это всего лишь приглашение на смотрины к примарху, – недовольно процедила одна из старших послушниц, которые застали приступ веселья сестры по вере. – Нечего поднимать из-за него такой шум.

– По-твоему это не иронично? Стать куклой на витрине с прощальными подарками для того, по чьей милости я тут оказалась? – громко спросила Саманта, ничуть не смущенная недовольством других послушниц.

– Это оскорбительно! – хлопнула по столу рукой ее собеседница. – Каждые десять лет одно и то же: требуют даже не одну, а целых трех старших послушниц. И ладно бы для дела, так нет же – для развлечения уходящему на пенсию правителю. Будто ему во дворце баб мало.

– Зато платят хорошо, – встряла вторая. – Я вот не отказалась бы съездить. Столицу посмотреть, еда и жилье за счет казны, еще и на обратный путь деньгами снабдят. Если повезет, то можно и вообще сюда не возвращаться: хорошенько подсуетишься – так и работу найдешь.

– Платят. Как шлюхам, – не унималась первая. – Еще и глаза закатывают, когда мы не отвешиваем реверансы направо и налево и отказываемся трепаться со всеми подряд, как придворные курицы.

– Не “трепаться”, а легкая необременительная беседа. Впрочем, легкая – это не про тебя, Щит веры, – встряла Самана, окидывая высокую и крепкую фигуру подруги красноречивым взглядом.

Бьянка не обиделась на замечание. Нервно отбросила за спину каштановую косу и уткнулась в книгу. Ее приглашение – а вернее сказать, приказ явиться на смотрины – прислали еще вчера. То-то все удивились, когда пришло только два письма. Но сегодня все встало на свои места, когда ее подруга получила запоздавшее третье послание.

– Не пойму, за что настоятельница дала тебе имя “Уста богини”. Вечно ты порешь только всякую чушь, – проворчала она, не отрывая носа от тома по истории создания Империи.

– Доверься хаосу, Бьянка, – смягчилась Саманта, видя, что подруга и впрямь нервничает. – Мы не вольны изменить его поток, но по крайней мере можем грести. Скорее всего, для тебя и Мириам все закончится как обычно.

Миловидная блондинка с вздернутым острым носом, которая уже просчитывала все возможные выгоды от приглашения, вскинула голову с надеждой.

– Правда? Ты так думаешь?

– У меня пока нет повода думать иначе, – обтекаемо ответила Саманта.

– То, что Сэм так сказала, еще не значит, что так и будет, – продолжила ворчать Бьянка, не поднимая раздраженного взгляда. – Конечно, на счет возможности грести она права, но она же не провидица.

– Пускай у нее нет дара, но прошлой осенью, как только Сэм увидела послов из Лейдэна, сразу сказала, что тратить на них время не стоит. И что? Настоятельница выгнала их через несколько дней! А когда Дор и Лора затеяли помолвку, она сказала, что никакой пары из них не будет. И в итоге Дор рыдал у алтаря, а Лора в этот момент, наверное, уже за пределы Империи выехала... – принялась перечислять Мириам, загибая пальцы.

– А Шону она сдохнуть пожелала, но он все еще прыгает, как горный козел, – перебила Бьянка.

– Так это было пожелание, а не предсказание, – легкомысленно отмахнулась Мириам и вновь повернулась к Саманте. – Ты правда думаешь, что мы, как и участницы прежних смотрин, сможем избежать внимания примарха и вельмож?

– У меня нет оснований думать иначе. Пока что, – повторила Сэм с тяжелым вздохом.

Слухи о ее провидческих способностях по монастырю ходили давно. Ежегодные проверки на благословение хаоса раз за разом показывали, что в Саманте нет ни капли дара их стихии или любой другой магии, но сплетники не унима-

лись.

Сама Сэм знала, что просто умеет наблюдать и делать выводы, о чем не раз напоминала сестрам по обители. Но те предпочитали верить в то, во что хотят, а не в объективные факты. Только этим, пожалуй, Уста богини и отличалась от остальных. Если конечно не считать туманного прошлого, о котором до сих пор не знала даже настоятельница. Впрочем, люди с чистым прошлым в обитель дочерей и сыновей хаоса не попадали.

Спор прервала другая служка, которая запыхавшись вбежала в библиотеку.

– Настоятельница хочет видеть старших послушниц Блеск Пирита, Уста Богини и Щит Веры, – упираясь руками в колени, громко возвестила она.

Все трое тут же подобрались, эмоции на лицах уступили место холодному безразличию. Именно с такими лицами они и вошли в келью настоятельницы, которая служила ей одновременно и кабинетом.

– Настоятельница, вы не откажете дворцу и на этот раз? – порывисто спросила Бьянка, подаваясь вперед. Ее карие глаза смотрели на главу монастыря испытующе, длинная коса от резкого движения хлестнула по спине.

Высокая худощавая женщина, которая в свои без малого шесть десятков лет оставалась гибкой, как ивовый прут, и столь же хлесткой в словах и действиях, недовольно поджала тонкие губы. Взгляд ее ярко-голубых, как весеннее небо, глаз

охладил пыл подопечной.

— Почему я должна отказывать? Нынешний примарх многое сделал для нашего монастыря, — настоятельница многозначительно покосилась на Саманту. Та стояла, не выказывая никаких эмоций, как и полагалось стоять хорошо обученной послушнице.

— Но мы же не шлюхи, — все же возразила Бьянка, хоть уже и без прежнего пыла.

— Вас определяет не ваш статус послушниц, а ваше поведение. Исключительно оно, — припечатала настоятельница, которой быстро наскучил спор. — Я здесь готовлю вас к жизни, а не прячу от нее. И вы пойдете в мир, чтобы показать, чему научились. Это станет проверкой для тебя, Щит веры. Для всех вас.

Взгляд настоятельница снова опустил на Саманту, будто старуха ждала вопросов или возмущений. Но их не последовало.

— Все мы в объятьях бездонного хаоса, и потому требовать от вас что-то не в моих полномочиях. Однако я надеюсь, что вы по мере возможности будете нести наше учение. Как минимум делом, — на этот раз тяжелый взгляд настоятельница вернулся к Бьянке.

Та кивнула и не нашла, что возразить.

— Пиритовый блеск, подсчитай, сколько вам понадобится на путешествие. Завтра утром жду отчет на столе. Послезавтра вы отправляетесь в путь, — продолжила настоятельница,

не встретив больше сопротивления. — А теперь идите.

Когда все развернулись, настоятельница окликнула Саманту, будто невзначай вспомнив о чем-то не слишком интересном.

— Уста богини, подожди. У меня для тебя особое распоряжение.

Сэм замерла на пороге и развернулась. Когда ее подруги покинули скромную обитель, состоящую из кровати, грубого стола и лохани с водой, Саманта наконец позволила себе эмоцию. Криво усмехнулась, глядя на настоятельницу.

— Даже если примарх пожертвовал вам пол бюджета Империи в обмен на мое содержание, благодарить его я не стану, — отчеканила она.

— Жаль. Благодарность вполне в человеческих силах, — сказала настоятельница с легким упреком.

— Пусть благодарят те, кому помогли его дары, — не сдалась Саманта, и хотя уголки ее губ дернулись, она больше ничем не выдала досады.

— Ладно, — не стала упорствовать настоятельница. — Я не знаю, почему он привез тебя сюда. Не знаю, что между вами произошло. Но знаю, что раз в полгода от меня требовали донесений обо всем, что с тобой происходит. И раз в год монастырь получал крайне щедрые подарки на содержание послушниц.

Настоятельница окинула красноречивым взглядом одежду Саманты. Как и любая другая из старших, она носила ши-

рокие штаны, заправленные в высокие сапоги, тонкую сорочку и поверх нее черный халат с пышными рукавами, но широкими манжетами, которые не мешали работать. Ткань украшала вышивка в виде беспорядочного узора, напоминающего стебли выюна или бесконечные притоки и разводья огромной реки.

Уста богини повела плечами, будто сразу захотела скинуть одежду, но сохранила бесстрастное лицо.

– Выходит, его любопытство вдвое перевесило его щедрость, – констатировала она.

– Хаос учит нас не судить о вещах однозначно. Добро легко может обратиться злом, а несчастье – благом, – сделала последнюю попытку настоятельница.

– Мне это известно как никому другому. Правда, в моем случае плюсы и минусы сложились в ноль. Мне не за что его благодарить. Как и ему – меня, – Саманта осталась непреклонна и на этот раз.

– Тогда иди, – сдалась настоятельница.

Глава 3

На пути к столице Империи

Спустя месяц три послушницы верхом и налегке подъезжали к столице. Вокруг простиралось поле желтой осенней травы, над которой висело свинцовое небо, ветер усиливался. Впереди маячила карета с гербами герцогства Притор. Завидев ее, Бьянка фыркнула.

– И не жирно примарху?

Мириам закатила глаза: она устала всю дорогу слушать жалобы сестры по вере. Саманта осталась невозмутима.

– Нет, ну куда ему тридцать кандидаток в невесты? И это не считая поместья, пожизненного пансиона из казны и влиятельных знакомств, которые обеспечат его роскошью до конца жизни, – разорялась Бьянка, которую все больше раздражало, что ее никто не поддерживает. – Саманта, не молчи! Я понимаю Пиритовый блеск, она у нищего последнюю монету из кармана вытащит, если понадобится, и такой шанс не упустит. Но ты!

Уста богини, которая прежде ехала чуть впереди, наслаждаясь видом, придержала коня и позволила подруге нагнать себя, молчаливо приглашая к разговору.

– Ты уж не обижайся, но весь монастырь давно уже догадался, что примарх с тобой сделал. Тут и гением быть не надо: появляется на пороге молодой герцог с военным отря-

дом, сует настоятельнице щедрое пожертвование и едва живую девицу, а потом усвистывает по своим делам, – тараторила Щит веры, нисколько не смущаясь собственных грубых слов.

Впрочем, ее собеседницу формулировки тоже не смущали.

– Это я еще была откормленная, – как бы невзначай обронила она, не выныривая до конца из собственных мыслей.

– В самом деле, Сэм, я тоже не понимаю, – Мириам нагнала подругу с другой стороны. – Если бы ты “отстала” от нас на полпути и “потерялась”, мы бы все поняли, правда. Да и... зная твою ситуацию, настоятельница могла бы тебя оставить, надо было попросить. Послали бы кого-нибудь другого, у нас много красивых.

– Мою ситуацию? – Саманта иронично изогнула бровь. – И чем же моя ситуация отличается от вашей?

Мириам вспыхнула и опустила взгляд. Бьянка же вскинулась, как охотничья собака на добычу.

– Как минимум тем, что нас не отправляют на поклон к нашим мучителям. Он же явно еще и голодом тебя морил, этот ублюдок! Я помню, видела тебя в первый день. Всегда сердце кровью обливается, когда новых служек приводят, но ты была почти прозрачная. И глаза совсем потухшие. Ну как ты можешь к нему ехать? Доктрина конечно учит, что не бывает ни абсолютного блага, ни абсолютного зла, но как по мне, она верна лишь наполовину. На счет блага – точно прав-

да, но зло – оно и есть зло.

Саманта не ответила, только крепче сжала поводья. Черная кобыла под ней нервно всхрапнула.

– Бьянка, перестань! Ты что, не видишь, что Сэмми неприятно? – попыталась одернуть подругу Мириам, понимая, что та заходит слишком далеко.

– Рихард поди не спрашивал, приятно ей или нет! – возразила Щит веры.

– Спрашивал, – со злой усмешкой отозвалась Саманта. – Бьянка, тебе бы перечитать “Наставление о мнениях”. В нем говорится, что нигде в мире нет абсолютного блага и абсолютного зла, пока то или другое не будет названо человеком благом или злом.

– Это ничего не меняет! Он поступил как подонок, но ты будешь стоять в толпе его потенциальных невест, отплясывать на балах. Смотреть, как он счастливо флиртует с какими-то бабами, как они падают в его руки, не зная, что он – чудовище? – не унималась Бьянка.

– Он не чудовище. Или чудовища мы оба, – туманно возразила Саманта.

Бьянка не нашлась, что ответить, и остаток дороги до городских ворот все трое ехали в молчании. Хотя обеих послушниц беспокоило состояние подруги. Обе они прекрасно видели, как с каждым днем, приближающим их к столице, Уста богини становилась все более задумчивой и мрачной, все реже отзывалась на колкости и еще реже начинала гово-

ритель первой.

У внешней стены пришлось замедлиться, чтобы не задеть людей на узкий улицах. У внутренней, отделяющей обычные жилые кварталы от домов аристократии, предъявить приглашения.

Усталый стражник долго проверял каждую из белых карточек, украшенных золотой росписью.

– Да пропусти, – махнул ему рукой второй, не менее усталый. – Хаоситки сюда по другому делу не приезжают.

– Письма покажите, – не обращая внимания на сослуживца, потребовал проверяющий.

Послушницы покорно достали из сумок документы. У Бьянки и Мириам проблем не возникло, но послание, которое вручила для проверки Саманта, вызвало явное недоумение.

– Что это? – спросил проверяющий, вертя в руке бумагу.

– Письмо с родовой печатью Рихарда Нейдва, – спокойно ответила Саманта.

– Да уж вижу, что не последнего нищего печать, – огрызнулся растерянный часовой. – Хочешь сказать, что это тебе примарх написал? – он выразительно прокашлялся и даже поднял бумагу на уровень глаз. – “Надеюсь, Саманта, эта шутка окажется достойной твоего божественного смеха”.

Саманта прыснула в кулак, но сумела сдержать порыв хохота и вновь придала лицу нечитаемое выражение.

Второй страж, который прежде молча наблюдал за сценой,

толкнул первого в бок. Потом подошел и что-то тихо сказал ему. Первый переменялся в лице.

– А, так это ты – та девушка? – он с сомнением посмотрел на пыльную дорожную одежду, растрепанную косу и худое лицо, загар на котором не мог скрыть залегших под глазами теней от усталости после долгого пути.

– Надо проверить, – согласился тот, что прежде почти все время молчал.

– Проезжайте вперед, – бросила Саманта подругам. – Я потом вас нагоню.

– Еще чего! – тут же возмутилась Бьянка.

Мириам же просто осталась на месте.

– Мы подождем тут, – чуть спокойнее, но тоже с явным напряжением в голосе сказала часовым она.

Саманта забрала письмо и, небрежно сложив его в несколько раз, запихнула в карман седельной сумки. Какой-то юнец в подобии гвардейской формы убежал в сторону замка, чтобы сообщить о странном происшествии.

Послушницы посторонились, давая дорогу другим желающим попасть из одного квартала в другой, но таковых было не слишком много.

– Вы одни приехали? – спросил тот часовой, который проверял документы.

– Одни, – бойко отозвалась Бьянка, которая смертельно скучала в ожидании. – Только не говори, что опасно. Мы можем за себя постоять.

Она несколько не приукрашивала. Хаос наградил ее способностью преодолевать законы стихии земли, так что отряд разбойников, которые неосторожно преградили им путь, просто провалился в глубокую расщелину, вдруг открывшуюся под их ногами. Там они и остались, похороненные живо.

На этом разговор и затух. Впрочем, слишком долго ждать не пришлось: вскоре к воротам приблизился высокий сутуловатый мужчина с горбатым носом. Окинув послушниц цепким взглядом, он ненадолго задержался на Саманте.

– Все в порядке, они могут проехать, – бросил он стражам.
– Прошу за мной, – это уже гостям дворца.

Саманта сразу узнала одного из приближенных Рихарда, но первой не заговаривала. Однако и смотрела на него без стеснения, отмечая сеть новых морщин, шрам на лбу, которого раньше не было, и добротный мундир, который и без золотых эполетов кричал о богатстве.

Ее давний знакомый не выдержал первым. Пропустил двух других послушниц вперед по дороге к замку и, поравнявшись с Самантой, придержал ее коня, вынуждая их обоих немного замедлиться.

– Я надеялся, что ты не приедешь, – тихо сказал Лукас, чуть наклоняясь к собеседнице.

– Еще бы, – криво улынулась Сэм. – Наверняка смотришь на меня и сразу вспоминаешь, что для вашего стремительного взлета пришлось втоптать кое-кого в грязь?

Начальник личной гвардии примарха вздохнул.

– Ты его ненавидишь? – наконец прямо спросил он. Дипломатия никогда не была его сильной стороной.

– Не знаю. Не так сильно, как десять лет назад, я думаю, – не менее прямо ответила Сэм.

Глубокая складка между густых бровей Лукаса немного разгладилась.

– Ты все та же. Мы гадали, будешь ли ты смеяться, когда получишь письмо.

– Я едва не лопнула от хохота. Достойная вышла шутка. Рихард сам придумал, или вы помогали?

– Мы отговаривали, но ты же знаешь, что спорить с ним бесполезно.

– Значит, за десять лет он нарастил таки чувство юмора.

Стук подков по брусчатке разбавил повисшее между двумя молчание. Шпили замка неуклонно приближались, но при нынешнем темпе добираться до его ворот предстояло еще минут десять.

– Помнишь, ты сказала, что Фридолин счетоводом будет, а я – гвардией командовать? Мы не поверили тогда, – снова заговорил Лукас и кивнул на ножны шашки, притороченные к седлу. – Откуда ты знала?

– Среди лучших воинов ты никогда не стоял, но всегда – за их спинами, как хороший тактик. Когда ты был там, потеря всегда становилось меньше. Куда тебя еще было определять? А Фридолин всегда предпочитал расчет силе. Он дей-

ствительно стал счетоводом? – равнодушно спросила Сэм.

Лукас думал, что разговор будет неловким, но прямо сейчас чувствовал лишь спокойствие. И надеялся – насколько он вообще мог полагаться на это чувство – что спокойствие не оставит его давнюю знакомую и впредь. Впрочем, заранее понимая, что эта надежда тщетна.

– Присматривает за министерством финансов, – охотно ответил он, еще немного замедляя шаг коня. – После того, как ты... в общем, его ранили, ногу повредил, теперь ходит только с тростью. В случае чего отпор дать сможет, но поставить его в караулы – все равно, что пытаться. Однако мозги у него по-прежнему как счеты.

Оба еще немного помолчали, и даже не заметили, как оказались перед высокими коваными воротами, ведущими на мост. Саманту уже дожидались подруги.

– Вам через западный вход. Вон тот мальчишка проводит, – Лукас кивнул на пажа в синей ливрее, который дожидался на другом конце моста. – Желаю удачи, дамы.

Все три послушницы синхронно проигнорировали его слова. В удачу они не верили, только в слепую случайность.

– Чайка, – тихо позвал Лукас, когда подруги Сэм уже сделали по мосту несколько шагов. – Не буду просить тебя не выступать, все равно по-своему сделаешь, но ради всего святого... репутация Рида и так белыми нитками шита.

Саманта усмехнулась, взглянув на напряженную позу старого знакомого.

– Все святое осталось под Деметером, Лукас. Я ничего не обещаю.

Глава 4

Перед тем, как ступить на мост, Саманта спешила. Сжала рукой поводья, глубоко вдохнула и улыбнулась, глядя на высокую кованую решетку, которая окружала замок, стоящий на острове посреди широкой реки.

Десять лет назад Рихард Нейдв стоял под стенами ее вольного города Деметера и выдвигал требования ее отцу. Правда, на приступ так и не пошел. Сегодня она стояла у ворот его замка и готовилась войти.

“Мое дыхание, мои слова, мой смех, способность сжать пальцы в кулак, возможность чувствовать радость и злобу – никто больше не сможет отнять у меня эту свободу, что бы ни случилось”, – подумала она и наконец первой из послушниц шагнула на светлые камни.

Паж действительно провел их не в главные ворота. По западной дороге вслед за провожатым гостью столичной резиденции примарха миновали сад и вышли к менее помпезным дверям. Там их уже дожидались слуги.

Их кобылок сразу увели, послушницы едва успели забрать седельные сумки.

– Обоз с вашими вещами прибудет позже? – равнодушно спросила горничная, окинув свою новую подопечную ничего не выражающим взглядом.

– Все вещи при нас, – отозвалась Бьянка и показательно

подняла сумку.

Каждой из них полагалась отдельная служанка, но повели всех троих в одном направлении.

Саманта разглядывала просторные коридоры, которые в чем-то напоминали ей дом – монастырь хаоса. Правда, в обители, где она провела десять лет, потолок не украшала лепнина, на стенах не висели картины и гобелены, стрельчатые окна с совершенно прозрачным стеклом не стремились ввысь. И в спину послушницам не доносились озадаченные шепотки тех, кто если не боялся, то недолюбливал всех хаоситов скопом.

– Рихард неплохо устроился, – отметила Саманта с легкой улыбкой.

– Ты серьезно?! – тут же взвилась Бьянка, глядя на подружку с удивлением. – Это все, что ты скажешь? Ты десять лет жила в монастыре, пока он наслаждался роскошью и богатством, и это – твой комментарий?

– Хочешь сказать, мы плохо жили? – не меняя ироничного тона, ответила Уста богини. – Честно говоря, я бы не променяла нашу обитель на этот дворец. Тем более, что доктрине хаоса тут не учат.

– Только не говори, что ты благодарна ему, – фыркнула Бьянка, скрестив руки на груди.

Те, кому не повезло проходить в этот момент мимо, чувствовали, как потрескивает пространство вокруг послушницы, которая с трудом сдерживает ярость. Только ее подру-

ги оставались спокойны, зная, что Щит веры прекрасно контролирует свои способности.

– Нет конечно, – пожала плечами Саманта. – Если кого и благодарить, то всемогущий хаос. Но он в благодарности не нуждается, так что, пожалуй, отдам должное своему чувству юмора.

Ни Бьянка, ни Мириам до конца не поняли подругу, и спрашивать ничего не стали.

Их поселили в трех соседних комнатах. Все они выглядели одинаково и делились на две условные зоны. Одна выглядела как небольшая гостиная, где можно было перекупить, попить чаю, написать письма за широким столом и принять гостей на уютных диванах. Вторая – спальня с просторной кроватью, мягким ковром и дверью в гардеробную. Все комнаты были отделаны в коричневых и бежевых тонах с небольшими вкраплениями янтаря на украшениях мебели или дверных ручках.

Саманта, не дожидаясь помощи горничной, быстро распаковала нехитрый багаж. Два наряда, приличествующих старшей послунице. Деревянный гребень с резной ручкой – подарок от давнего друга и любовника. Книга о путешествии монаха-хаосита на далекий север, которую она так и не дочитала до конца, но в которой хранила памятные письма. Несколько кожаных шнурков разного плетения, которыми завязывала косу и металлическая шпильку с острым наколочником, которую по настроению она то носила в волосах,

то прятала в рукаве.

— Если желаете переодеться, для вас подготовлены дополнительные наряды, — отрапортовала горничная, увидев, как мало вещей у ее подопечной.

— Правда? — искренне удивилась Сэм.

Войдя в гардеробную, действительно обнаружила там запас тонких темных рубашек и штанов, несколько пар мягких сапог и халаты разных, но неизменно темных цветов — от темно-синего до густого фиолетового и мраморно-зеленого, расшитых неповторимым узором серебристой нити, а в некоторых случаях даже тонкой ленты.

Прикинув на глаз, Уста богини поняла, что эта одежда будет ей по размеру.

Пока гостя замка осматривала временно жилье, слуги наполнили водой большую бадью. Умывшись, Сэм переоделась в ту черную мантию, которую привезла из монастыря, хотя и понимала, что это бессмысленно: и прежней, и новой одеждой она была обязана примарху. Это ее веселило, и к вечеру она вышла в общую гостиную, в которой собирали всех невест, в приподнятом настроении.

Мириам и Бьянка, заметив, что к их подруге возвращается привычное озорство, озадаченно переглянулись. Но даже Щит веры, которая обычно не отличалась особым тактом, на этот раз решила ничего не спрашивать.

Всем девушкам сообщили, что вечером они поговорят с распорядительницей смотрин, или отбора невест — именно

так в замке называли предстоящее мероприятие. Так что все участницы, числом двадцать семь – три не приехали по разным причинам – уже собрались в большой гостиной и маленькими группами расселись кто в кресла, кто на диваны. Некоторые предпочли спрятаться в просторные альковы – подальше от любопытных глаз.

Саманта присмотрела широкий подоконник и, недолго думая, махнула подругам. Уселась на него и посмотрела вниз, на сад. Блуждая взглядом по тропинкам, заметила знакомые каштановые волосы. Их обладатель в белом мундире стоял к ней спиной и что-то говорил девушке в изумрудном платье, которая все быстрее обмахивалась веером.

Будто почувствовав на себе взгляд, мужчина обернулся. Саманта вцепилась пальцами в широкий резной подоконник и вздернула голову, мгновенно узнав в нем Рихарда. Она плохо видела черты его лица издалека, но по тому, какая смесь давно забытых эмоций ядом растеклась по груди, поняла – ошибки быть не может.

Боль разбитой надежды, унижение и ненависть напомнили и о самом сладком глотке свободы. Губы Сэм растянулись в широкой насмешливой улыбке, и судя по тому, как дрогнули плечи Рихарда, он прекрасно видел это. И отвернулся первым, когда его собеседница в зеленом платье, заметив хаоситку в окне, ахнула и едва не повалилась на траву от испуга.

– И что мы будем тут делать? – проворчала Бьянка, испод-

любя оглядывая собрание самых разных девушек.

Аристократки держались особняком, выпускницы столичной академии гуманитарных наук тоже сбились в стайку. Три послушницы храма порядка в белых одеждах даже не успели присесть: к ним то и дело за благословением проходили менее знатные дамы.

– Веселиться, само собой! – ответила Сэм.

Оцепенение, которое ненадолго овладело ее душой на пути к столице, разом спало, и она снова стала такой, какой привыкли видеть ее подруги: насмешливой и готовой извлечь удовольствие из любой ситуации, которую подбросит ей жизнь.

– Ох, слава хаосу, Сэмми, ты в порядке. Теперь скучно точно не будет, – выдохнула Мириам.

– Не понимаю, как ты можешь говорить о веселье, – недовольно поджала губы Бьянка.

– Я тоже не понимаю, о каком веселье речь! – вдруг встряла дочь герцога Притора – блондинка с полноватыми, но приятными на вид формами и в голубом платье, которое удачно подчеркивало соблазнительные изгибы фигуры. – Примарх – достойный человек и многое сделал и для Империи, и для чести своей семьи. Соревноваться за право стать его супругой – огромная честь. Здесь нет места веселью!

– В самом деле! – поддержала ее одна из подруг – худощавая шатенка в неудачном фиолетовом платье, которое делало ее загорелую кожу почти землистой. – Я вообще не пони-

маю, зачем послушниц монастыря хаоса пригласили на этот отбор. После того зла, которое принесла доктрина хаоса нашей стране и герцогству Нейдв, это просто возмутительно!

– Дорогая, не имею чести знать ваше имя, но все же по-дружески советую быть осторожнее в словах, – Саманта мягко улыбнулась, но Мириам посмотрела на девушку в фиолетовом платье с затаенным сочувствием.

– С чего бы? Все знают, что хаоситам закон не писан. Делают, что хотят, и ни перед кем не отчитываются. Зачем примарху такая жена? – не унималась та, и теперь на нее сочувственно смотрела даже Бьянка.

– Знаете, ведь послушницы монастыря хаоса никогда не выигрывали отбор, – задумчиво произнесла Саманта, постукивая указательным пальцем по подбородку. – Вам не приходило в голову, что это не спроста?

Уста богини обвела взглядом собравшихся. Все притихли, наблюдая за странным разговором. Кто-то отмахнулся от слов послушницы, а кто-то задумался всерьез.

– Хотите сказать, участие в отборе хаоситок – это часть конкурса? – наконец сделала вывод герцогиня Притор. – И отношение к вам влияет на результат?

Саманта устремила на нее холодный взгляд, и только те, кто хорошо ее знал, рассмотрели бы на серьезном лице признаки веселья: напряженные кончики губ и едва заметные морщинки в уголках лисьих глаз. И, когда воздух в комнате начал едва ли не трещать от напряжения, расхохоталась. К

ней присоединились и подружки, оценившие бледность и явный страх на лицах остальных “соперниц”.

– Даже если бы это было правой, разве могла бы я заявить об этом почти прямо? – спросила Сэм, прекрасно зная, что этой фразой не успокоила других гостей замка, а наоборот, лишь укрепила их подозрения.

Некоторые дамы тоже неуверенно и тихо засмеялись, обстановка слегка разрядилась, но полностью расслабиться уже не получилось ни у кого. Кроме послушниц в черных мантиях, которые откровенно наслаждались созданной ими неразберихой.

– А я слышала, что милость примарха к монастырю хаоса в этот раз вызвана другой причиной, – вдруг заговорила высокая брюнетка в синем платье, которая прежде сидела в дальнем кресле в одиночестве и молча наблюдала за разговором.

– И какой же? – первой вскинулась Саманта, глядя на незнакомку.

Уста богини в самом деле очень хотела знать, как много известно светским сплетницам.

Глава 5

Напор Сэм даже немного смутил красавицу, которая ожидала вызвать у хаоситок неловкость. Теперь же она была вынуждена под множеством любопытных взглядов поведать историю, которую слышала от старого вояки – друга своего отца.

Прежде чем начать рассказ, она аккуратно сложила веер и разгладила пышную юбку.

– Говорят, десять лет назад, когда Рихард Нейдв еще не был примархом, он собрал войска своего герцогства и встал под стенами вольного северного города Деметер. Переговоры между ним и тогдашним номархом Дорином Деметером шли тайной перепиской. Никто не знает, о чем именно они договорились, но спустя несколько дней из города в одиночестве вышла девушка в одеждах послушницы храма порядка.

Пока красавица говорила, все в комнате затаили дыхание. По губам Саманты блуждала загадочная улыбка, но и она слушала историю едва ли не с большим интересом, чем остальные.

– Войска герцога простояли под стенами города ночь, а наутро ушли. Рихард Нейдв забрал девушку с собой. Десять дней она ехала с армией и каждую ночь проводила в шатре герцога.

Саманта заметила, что Бьянка при этих словах напряглась и сжала кулак, пространство вокруг нее вновь задрожало от напряжения. Уста богини положила руку на плечо подруги и ободряюще сжала пальцы. Щит веры это не успокоило, но она нашла в себе силы промолчать, повинувшись немой просьбе.

– Достигнув границы Империи, герцог отдал девушку в монастырь хаоса, а сам отправился в столицу, после чего выиграл выборы на должность Примарха, – завершила историю незнакомка.

В комнате повисла удручающая тишина, нарушаемая лишь сдавленным сопением некоторых потенциальных невест.

– Что за глупости? – удивленно изогнула бровь Саманта, подаваясь вперед. – Вы ведь понимаете, леди...

– Паула Ривеллон, – подсказала красавица, поняв намек.

– ... леди Ривеллон, насколько чудовищно звучит эта нелепица? Уж не хотите ли вы сказать, что Рихард Нейдв – один из лучших примархов за последнее столетие – мог так ужасно поступить с женщиной, да еще и последовательницей пути порядка? – только подруги расслышали в голосе Сэм тонкую издевку и обе невольно опустили взгляды.

– В самом деле, леди Ривеллон, распространять такие сплетни – непозволительно! – герцогиня Притор даже порозовела от возмущения. – Вы бросаете тень на репутацию столь честного и благородного человека!

– Действительно, леди Ривеллон, – вдруг вступила в разговор одна из послушниц храма порядка, которые прежде наблюдали за диалогом с явным неодобрением. – Не забывайте, что ради блага Империи герцог – последний в своем роду – отказался от власти над собственными землями. Он поставил благо страны выше собственного будущего, и это...

– Добрый вечер, дамы! – низкий грудной голос прокатился по всем уголкам просторного зала, пресекая разговор.

Все разом обернулись к дверям, в которых стояла пышнотелая дама, укутанная в золотистые шелка. Ее сопровождали еще несколько красавиц, одетых по последней столичной моде в пышные платья ярких цветов.

– Я Даниэлла Энкандер, придворная дама и распорядительница предстоящего отбора, – сразу представилась она, предупреждая вопросы.

Саманта тихо соскользнула с подоконника. Остальные дамы из тех, кто успел присесть, тоже поднялись. Лишь после того, как пышнотелая седеющая брюнетка уселась в кресле в самом центре комнаты, и вслед за ней ее спутницы заняли еще несколько диванчиков, обстановка слегка разрядилась.

– Прошу вас, дамы, присаживайтесь. Сегодняшняя встреча в некотором роде неформальная. Я лишь хочу взглянуть на вас, рассказать о предстоящем отборе и дать вам возможность познакомиться друг с другом поближе, – Даниэлла царственно обвела рукой оставшиеся места, которых явно не хватило бы для всех участниц. Им предстояло решить, кто

удостоится честь сесть, а кто останется стоять.

У жриц обоих храмов никакой дилеммы не было: им по статусу не полагалось садиться в присутствии титулованных особ. И если в действительно неформальной обстановке хаоситки позволяли себе нарушать эти правила, то сейчас все трое сочли за лучшее не привлекать внимания вызывающим поведением. О жрицах порядка и говорить нечего.

Выпускницы академии гуманитарных наук – по большей части богатые простолюдинки или дочери мелких обнищавших дворян – тоже не шелохнулись. Герцогини Притор и Ривеллон без сомнения заняли места поближе к распорядительнице – их положение, самое высокое среди местных дам, не просто позволяло, но обязывало к этому.

Остальные дамы засуетились. Из разных концов зала слышались тихие переругивания, за которыми Даниэлла Энкандер наблюдала с нескрываемым весельем. Саманта быстро убедилась, что эта дама запомнила каждую из скандалисток в лицо, и даже немного пожалела, что не оказалась в их числе.

Когда в комнате наконец вновь воцарилась тишина – местами напряженная – придворная дама заговорила вновь.

– Раз в несколько дней мы будем собираться здесь, и я буду объявлять вам о предстоящих этапах отбора. Сообщение о следующей встрече вы, разумеется, будете получать заранее. Однако хочу по-дружески предостеречь вас от слишком интенсивной конкуренции. Надеюсь, все вы понимаете, что

окончательное решение не за конкурсной комиссией. Выбор сделает лично Его Светлость, и нет никаких гарантий, что он будет в пользу победительницы отбора.

Все притихли, усваивая информацию. Для большинства из девиц она не была секретом: слухи об отборах ходили самые разные. И все же их официальное подтверждение стало для многих шоком.

– Конкурсы не предполагают выбывания проигравших участниц, однако это не значит, что вы не можете лишиться права претендовать на руку Его Светлости. Интриги, попытки навредить другим участницам и применение приворотных или любых других чар карается выбыванием из отбора, а также наказанием в соответствии с законом, – продолжила придворная дама, не позволив молчанию слишком затянуться.

“Жаль, самого Рихарда не могут вытурить с отбора за применение магии”, – весело подумала Саманта, но внешне осталась невозмутима.

– Завтра вечером состоится приветственный пикник, примарх будет на нем присутствовать. Надеюсь, вы успеете достойно подготовиться, – завершила Даниэлла Энкандер, обводя девиц оценивающим взглядом. Некоторые из них тут же нетерпеливо повскакивали с мест. – Но прежде, чем мы расстанемся, я бы хотела, чтобы каждая из вас представилась и коротко рассказала о своей семье и роде занятий, если таковые имеются.

Первыми представились герцогини, и вслед за ними – дамы по убыванию знатности рода. Когда все светские красавицы назвали имена и похвастались достижениями – образованием или участием в благотворительных мероприятиях – очередь дошла до послушниц.

Девицы из храма порядка синхронно кивнули хаоситкам, уступая первенство: их доктрина требовала максимального смирения.

– Бьянка Рошерин, именованная Щит Веры. Старшая послушница монастыря матери хаоса, – представилась она, коротко склонив голову.

Родителей она не назвала, и по залу прокатились возмущенные шепотки. Все понимали, что это значит: Бьянка либо не знает их вовсе, либо они преступники, имена которых запрещено произносить.

– Мириам Солья, именованная Пиритовый блеск. Дочь покойного маркиза Микаэля Солья. Старшая послушница монастыря матери хаоса, – сказала Мириам с тем же коротким поклоном.

Шепотки стали громче. Все знали, что пятнадцать лет назад Микаэля Солья осудили и сослали на каторгу за крупнейшую в истории страны махинацию с государственными финансами.

Все взгляды устремились на Сэм. Она сделала шаг вперед, не желая разочаровывать и без того взвинченную до предела публику. Смысла скрывать свое положение она не видела.

– Саманта Деметер, именованная Уста богини. Дочь покойного номарха Дориона Деметера. Старшая послушница монастыря матери хаоса, – так же коротко кивнув, как и ее подруги, холодно отрапортовала она.

Тишина в зале стала монолитной.

Сэм почти слышала, как вертятся шестерни в головах тех, кто услышал ее слова.

Первой опомнилась дама.

– Продолжайте, – кивнула она и повернулась к послушницам монастыря порядка с показным равнодушием.

Те представились. Саманта запомнила имя только одной из них.

– Веронике Триссель, дочь барона Ривьена Триссель. Старшая послушница монастыря мирового порядка, – сказала она, склонившись в изящном реверансе.

Именно эта девушка готова была еще долго превозносить все достоинства Рихарда, если бы ее не прервала Даниэлла Энкандер.

На этот раз Сэм стиснула кулак и сумела разжать руку, только когда ее коснулась Мириам. На ладони остались глубокие следы от ногтей.

Волосы у Веронике были такими же белыми, как у Саманты, но взгляд голубых, широко распахнутых глаз – чистым и незамутненным. Кожа светлой, почти прозрачной, тело тонким и легким, будто состоящим из света. Уста богини смотрела на нее, как на свое отражение десятилетней давности,

и в ее душе закипала давно забытая боль.

Предыстория #1

Десять лет назад

Замок номарха вольного города Деметера

Номарх скомкал узловатыми пальцами письмо и бросил его в тлеющие угли камина. Бумага тут же занялась и почернела. Спустя минуту напряженного молчания от нее остался только пепел.

– Нет. Я не выдам дочь, что бы он ни обещал. Она – самое главное мое сокровище, – Дорион Деметер повернулся к номахис, стоявшей за его плечом, и сухо улыбнулся, отчего на его лице появилось еще больше морщин.

Средняя дочь старого номарха – прямая, как натянутая струна, с тонким изящным телом, красоту которого не скрывала даже мешковатая мантия послушницы храма порядка, – лишь сдержанно улыбнулась в ответ на эти слова. Отец брал ее на все важные переговоры, и она уже давно знала, что ни словом, ни звуком, ни неподобающим выражением лица не имеет права вмешиваться в его беседы с подданными.

Правитель вольного города давно уже отпустил длинную седую бороду, но все еще сохранял здоровье тела и живость ума. По крайней мере, всем вокруг так казалось. Только его дочь, взгляд которой пронзал души, видела смятение и страх, которые сворачивались в груди отца в образ старой, плешивой крысы. И изо всех сил старалась не допустить,

чтобы эти чувства обрушились гневом на ни в чем не повинных жителей города.

– Но Ваше Величество, мы не готовы обороняться. Если Нейдв действительно пойдет на штурм, у нас не хватит людей. После предыдущего похода мы еще не... – попытался возразить воин, ростом настолько высокий, что макушкой едва не задевал потолок кабинета.

Нормах хлопнул по столу рукой.

– Этому не бывать! Тяните время, напишите от моего имени, что я пока раздумываю или еще какую-нибудь глупость. Собирайте и вооружайте ополчение. Готовьтесь отразить атаку! – приказал он, брызгая слюной.

– Есть! – воин щелкнул каблуками сапог и поспешил уйти.

Дорион повернулся к дочери – своему свету, символу чистоты города. Она и правда походила на утренний солнечный луч: идеальная белая кожа, белые волосы, яркие зеленые глаза и покорное спокойствие, давно застывшее на вечно ничего не выражающем лице.

От улыбки на лице правителя не осталось и следа. Он смерил дочь строгим взглядом и нахмурился.

– Ну, Саманта? Что было у него на душе? – нетерпеливо спросил номарх.

– Страх и сомнения, Ваше Величество, – монотонно ответила она.

– Сомнения? В чем? – тут же подался вперед правитель.

– Я не знаю, Ваше Величество. Страх было больше, – го-

лос по-прежнему не выражал ни единой эмоции.

– Что ж, иди. Сегодня ты мне больше не нужна, – кивнул Дорион и отвернулся к столу.

Саманта выдохнула: сегодня ей удалось выгородить генерала. Он был ключевой фигурой в грядущем перевороте, который давно бы уже свершился, если бы не армия герцога под стенами.

Саманта послушно направилась к двери, но на полпути обернулась.

– Может, мне все же следует выйти к ним, отец? Что бы ни собирался сделать Рихард Нейдв, разве одна моя жизнь ценнее целого города? – вдруг спросила она.

“Если меня не станет, начатое завершит брат. Он уже готов занять трон”, – мысленно закончила она.

Отец взглянул на Саманту с яростью. Впервые за несколько лет она осмелилась возразить ему.

– Перечитай? Не смей! Или ты забыла, для чего рождена на свет? Ты – главное оружие Деметера! Ты – оплот веры города и его свет. Твоя задача – подчиняться мне, а не думать! И убери с лица эту идиотскую жалость – не этому я тебя учил! Или ты забыла уроки? В таком случае выходит, что твои наставницы плохо тебя натаскали и мне следует напомнить им, что значит покорность, – голос номарха гремел, но лицо Саманты вновь стало бесстрастным.

– Прошу прощения, Ваше Величество, – Сэм склонила голову и замерла. – Вы правы, мне следует повторить те места

писания, в которых говорится о почтении к родителям.

– Этим и займись. Иди, – махнул рукой раздраженный До-рион.

Саманта покидала кабинет отца в смешанных чувствах. Выходя, сделала рукой привычный жест благословения порядка: переплела пальцы рук в замок и приложила их ко лбу. И тихо прикрыла за собой дверь, не желая лишний раз раздражать отца. Сама она привыкла проводить недели и месяцы в жестоких пищевых аскезах и телесных наказаниях, и считала их заслуженными. Но не желала такой же участи для своих наставниц.

Прежде ей никогда не приходилось сомневаться в решениях номарха: с четырнадцати лет, когда порядок даровал ей силу читать в душах людей, она стала щитом правителя Деметера. Она стояла за его плечом на всех переговорах и встречах, она видела истинные чувства и намерения людей так же ясно, как свои собственные. И указывала отцу на изменника при малейшем подозрении. Жизнь при дворе номарха сохраняли лишь те, кто сумел взрастить в себе абсолютную верность, остальных ждала болезненная показательная казнь. Саманта верила, что только так можно сохранить порядок в городе.

Власть семьи Деметер крепла, и Саманта знала – верила – что это идет на благо всем. До тех пор, пока железная воля его души не треснула первыми признаками смятения, вскоре переросшего в безумие. Саманта сдерживала его, как мог-

ла, разрываясь между привитой ей с рождения верностью и желанием защитить горожан от всплесков его бессмысленной жестокости, пока наконец не сдалась и не согласилась на план переворота, который ей предложил брат.

Он бы уже сидел на троне, если бы не войска герцога, которые ни с того, ни с сего, без предупреждения встали под стенами города. Затевать смену власти во время осады никто не решился.

Стоя за плечом отца, Саманта видела письмо, которое передал Нейдв. В нем герцог требовал, чтобы город выдал ее – свет Деметера. Тогда он обещал отступить.

Пока генерал докладывал об армии неприятеля, Саманта чувствовала его страх впервые за все время, что знала этого человека. Он боялся не сражения, не поражения как такового и даже не собственной смерти. Его сердце скорбело о той участи, которая ждет его семью после входа войск в город.

В раздумьях Саманта миновала жилую часть замка, двор, дошла до храма и обогнула его. Вошла в жилые помещения для монахинь и послушниц. Оказавшись в своей келье, она планировала действительно перечитать писание, но услышала за соседней дверью тихий плач.

Постучалась, неуверенная, что ей откроют, но створка все же скрипнула, пропуская внутрь. Переступая порог, Саманта снова переплела пальцы в замок и приложила их ко лбу – эта привычка въелась в ее плоть и кровь с тех пор, как она научилась ходить.

Едва увидев молодую послушницу – почти свою ровесницу – Саманта сразу почувствовала ее боль и священный ужас перед будущим.

– Что случилось? – тихо спросила она, опускаясь на низкую деревянную кровать, на которую послушница тоже рухнула, едва успев открыть дверь.

Девушка уткнулась лицом в подушку и глухо завывала от страха и отчаяния.

– Отец решил выдать меня замуж, – сквозь всхлипы выдавила из себя она.

По коже Сэм пробежал холодок и она зябко дернула плечами. И малодушно порадовалась, что ее саму никогда не постигнет участь стать чьей-то женой. Саманта прекрасно знала, что на всю жизнь останется щитом отца, а затем – старшего брата, который займет его место. Так правильно. Так должно быть. Но дочери других знатных родов, которых часто отдавали на воспитание в храм порядка, не всегда могли избежать этой участи.

– Ты уверена? – бессильно спросила Сэм, кладя руку на дрожащую от рыданий спину подруги.

– Уверена. Он сам сказал, – всхлипнула Лея и вновь уткнулась носом в мокрую наволочку.

Сэм гладила подругу по спине и ждала, пока она хоть немного успокоится.

– Мы – дочери своих семей, и наш долг – подчиняться. Так мы вносим свою лепту в порядок, даже если должны раз-

рушить себя ради этого. Такова наша роль в борьбе с хаосом, – мягко сказала она, когда всхлипы стали тише.

– Я знаю, Сэмми, знаю. Я не ослушаюсь отца. Но... замуж... это значит, что я стану грязной, да? Как мирские женщины? – Лея снова всхлипнула и разразилась новой порцией рыданий.

Саманта промолчала. Больше всего на свете она боялась, что когда-нибудь станет не нужна отцу, или что какие-нибудь политические интересы заставят его выдать ее замуж. Страх перед возможностью лишиться чистоты, лишиться права исповедовать порядок и поклоняться в храме, главенствовал в сердцах всех послушниц. Некоторым из них везло и они оставались при храме на всю жизнь. Некоторых – чаще знатных – постигала участь Леи.

– Писание учит, что чистота не в теле, а в сердце. Если ты не падешь до того, чтобы возжелать мирских удовольствий, и будешь лишь выполнять свой долг, то сохранишь верность порядку. Пусть и не в храме, но ты останешься нашей сестрой в вере, – мягко продолжила Сэм, продолжая гладить подругу по плечу.

Раздался звон колокола, означающий призыв на ежедневную молитву, обе привычно вскинули головы.

– Идем, Лея. Пусть ты скоро покинешь храм, но по крайней мере сейчас можешь насладиться прикосновением к доктрине порядка. Воспользуйся моментом – хоть это и корысть, – добавила она.

Лея всхлипнула последний раз, утерла глаза рукавом и обняла подругу.

– Ты и правда свет Деметера, Сэм. Спасибо.

Стандартная молитва длилась ровно час перед обедом. Обычно Саманта отдавалась словам из писания всем своим естеством, но сегодня ее отвлекал страх. Всеобщий страх, повисший в рядах молодых послушниц и матушки-настоятельницы. Страх перед тем, что их святыня падет.

Повторяя знакомые с детства слова почти механически, Саманта невольно вспоминала давний поход, о котором говорил генерал. Отец тогда взял ее с собой. Он сказал, что город, который захватила его армия, поддался вере хаоситов, и его необходимо очистить. В те времена Сэм еще ему верила и стояла за его спиной, определяя, кто из побежденных приносит присягу искренне, а кто намеревается предать. Вторые тут же отправлялись на эшафот.

Пока номарх Деметера принимал присягу, крыши домов тлели после пожаров, в небо взвивался едкий дым. Издалека доносились крики детей и женщин, колокол местного храма в обеденный час не прозвонил, но Саманта видела, как из распахнутых настежь дверей выводили связанных женщин в белых мантиях. Их лица, измазанные в копоты, а кое у кого и в крови, ничего не выражали, но почти все они уже успели отрезать себе косы в знак того, что лишились права быть послушницами и исповедовать доктрину порядка.

Те женщины, которые, как сказал отец, тайно обратились

к хаосу, заслужили такое наказание, но Саманта знала, что ее сестры не должны испытать ничего подобного. Их вера должна быть вознаграждена, ведь каждому неизбежно достается по заслугам его: так учит Писание.

Но если Рихард и правда вторгнется в город, что он сделает со всеми ими? Ее саму отец наверняка спрячет – да даже убьет, лишь бы не досталась неприятелю. Она и сама наложит на себя руки, если понадобится, но судьбу города это не изменит. Однако если она сдастся... тогда у всех у них есть шанс. Тогда порядок восторжествует, пусть она сама и падет.

Идея идти против воли отца – святотатство. Саманта ходила в сомнениях несколько мучительных дней, до тех пор, пока генерал на очередной встрече с ее отцом не сообщил, что Нейдв готовится к штурму и, по донесениям шпионов – у него в обозе достаточно взрывчатки, чтобы пробить внутренние ворота.

В день перед штурмом она лично благословляла всех приближенных отца: так он показывал им свою добрую волю, покровительство и благосклонность.

Мужчины один за одним опускались перед ней на колени, Саманта раз за разом касалась ладонью непокрытой головы, наклонялась и запечатлевала на лбу просителя символический поцелуй.

– Оставайся чист помыслами и делами, и порядок благословит, – неизменно отвечала она на просьбу.

Однако над лицом генерала она задержалась чуть дольше.

Взглянула в его глаза, чувствуя, как впервые в жизни сердце заходится в скачке от страха и ладони мерзко потеют.

– Выведи меня из города тайно. Сегодня же, – потребовала она.

– Номахис... – выдохнул генерал пораженно. – Но без вас...

– Порядок благословит, – не дала ему закончить Саманта.

Глава 6

– Отлично, вот и познакомились! – распорядительница преувеличенно-бодро хлопнула в ладоши и поднялась. – Теперь оставляю вас, дамы.

Уходя, она обернулась и окинула Саманту цепким любопытным взглядом. Как только дверь за ней закрылась, все в комнате тут же обернулись с послушникам хаоса. Но никто не решался задавать вопросы.

– Что, так и будем стоять? – первой нарушила тишину Сэм, насмешливо изогнув бровь. – Спрашивайте.

Но никто по-прежнему не проронил ни слова.

– Это точно проверка для нас, – наконец несмело предположила герцогиня Притор, ее подруги энергично закивали. – Мы не должны ни ронять честь гостей из монастыря, ни сомневаться в репутации герцога. Он делом доказал, что верен законам империи и что его семья давно не связана ни с монархистами, ни с хаосом. В конце концов, что мы за невесты, если не будем ему доверять? – под конец своей речи она уже говорила довольно уверенно.

Большинство участниц смотрин в итоге с ней согласились. Саманта наблюдала за их тихими перешептываниями, не скрывая улыбки.

– Что ж, теперь я вижу, что попала в общество поистине прекрасных душой дам, – наконец выдала она, убеждая тех,

кто еще сомневался, в правоте герцогини.

Мириам ткнула Сэм в бок.

– Ты перегибаешь, – шикнула она, ловя уже не сочувствующие или шокированные, а заинтересованные взгляды.

Сэм не ответила и первой направилась к выходу. В середине зала путь им преградила Паула. Все трое замерли в ожидании вопросов, но леди Ривеллон лишь склонила голову.

– Благословите, – тихо попросила она.

Сэм брезгливо поджала губы, а Мириам выступила вперед, почти закрывая подругу собой, и махнула рукой.

– Хаос уже благословил.

И, не дожидаясь, пока к ним выстроиться очередь приговорных просительниц, все трое покинули зал. Правда, возле комнат не расстались: подруги по молчаливому согласию собрались в гостиной Сэм.

– Ты – номахис?! – спросила Бьянка, как только они остались наедине. – Считай что принцесса! И никому об этом не говорила? Ты с ума сошла?!

– Не принцесса. Чуть выше герцогини, и только. Да и что с того? Что это меняет прямо сейчас? Что это меняло тогда, когда меня выбросили у ворот монастыря? – Саманта недовольно дернула плечом.

– Не выбросили, а высадили с таким количеством вещей, будто принцессу к жениху отправляли. Вместе со всем приданым. Теперь понятно, почему, – подхватила тему Мириам. – Но меня больше другое волнует. Ты же понимаешь, что эти

полоумные теперь от нас не отстанут? Будут думать, что мы можем им чем-то помочь?

– Понимаю, но разве не забавно будет за этим наблюдать? Если будешь осторожна, сможешь выторговать у них парочку ценных подарков, – подмигнула Сэм, усаживаясь на диван и вытягивая все еще уставшие после долгого пути ноги.

– Какие подарки? – Бьянка, не в силах успокоиться, начала нарезать круги вокруг низкого стола. – Сэм, скажи, только честно: та история, которую рассказала Паула, это правда?

– Если очень обобщить, то правда, – не стала отпираться Сэм. – Но это в прошлом.

– В прошлом, ага. Настолько в прошлом, что Рихард аж на отбор тебя позвал. И ты снова позволишь ему сделать тебя игрушкой на несколько ночей?

– Вовсе нет, – Уста богини улыбнулась зловеще, и обе подруги замерли, глядя на нее. – Не я стану его игрушкой, а он – моей.

Дальше разговор не складывался. Мириам явно думала о том, как бы получить от невест побольше подарков или помощи, Бьянка горела от возмущения и предлагала всевозможные кровавые планы мести примарху, и только Саманта оставалась задумчива и молчалива, и лишь иногда вставляла пару слов.

– Давайте отдохнем. Когда еще удастся поспать на таких роскошных кроватях? – наконец предложила она.

Подруги спорить не стали, но Бьянка, выходя, бросила как

бы в пустоту:

– И все равно не понимаю, как ты завтра собираешься смотреть ему в глаза и не прикончить на месте.

Сэм лишь неопределенно пожала плечами.

Она проснулась с рассветом, как привыкла в монастыре. Растерянно провела рукой по шелку простыней и позволила себе еще немного понежиться в постели.

В монастыре она преподавала основы политической истории и географии, иногда читала проповеди по просьбе настоятельницы, медитировала в заранее тщетных поисках скрытого дара, иногда упражнялась в рукопашной борьбе на мужской половине монастыря – больших успехов не делала, зато всегда радовалась возможности двигаться. Но сегодня, наверное впервые за целую жизнь, ей не нужно было делать совершенно ничего. И Сэм даже не знала, ради какой цели ей вообще вставать с кровати.

Поваляйся она до самого вечера, ей наверное никто и слова бы не сказал, но все же Уста богини поднялась, неспешно умылась и оделась. Завтракать она не привыкла, потому чай и сдобу на столе проигнорировала. И замерла среди комнаты, не зная, чем себя занять.

После недолгого раздумья решила погулять в саду и направилась к выходу из замка по знакомым уже коридорам. Надеялась, что сможет выбраться незамеченной, но на просторной дорожке меж высоких деревьев ее окликнул знакомый мелодичный голос.

– Саманта! Уста богини, подождите!

Сэм обернулась, чтобы понаблюдать, как Веронике, подобрав полы белой хламиды, пробирается к ней через густые кусты, блеклые листья на которых блестели после недавнего дождя.

– Не замараетесь? – равнодушно спросила она, когда последовательница пути порядка приблизилась.

Девушка отступил на полшага, ее щеки порозовели.

– Если вы об одежде, то не страшно. А если про ваше положение, то в Империи официально разрешены оба культа. Мне нечего стыдиться, – Веронике с показной уверенностью вздернула маленький курносый нос.

Сэм скрипнула зубами, но на этот раз сдержалась и кулак сжимать не стала. Весь вид этой светлой девушки с глазами олененка будил в ней то, от чего, как думала Уста богини, она давно избавилась.

– Что же заставило вас презреть запреты и обратиться ко мне напрямую? – поторопила она, потому что сама Веронике продолжать разговор не спешила и просто рассматривала будущую оппоненту в соревновании за руку примарха.

– Я хотела спросить. Это правда, что вы раньше были послушницей храма порядка? – набравшись смелости, наконец выпалила она.

Сэм высокомерно вздернула бровь.

– С чего вы это решили, послушница Триссель? – уточнила она, подчеркнуто игнорируя титул.

– Ну как же? – удивленно распахнула глаза Веронике. – Ведь леди Ривеллон сказала, что из Деметера вышла девушка в белых одеждах храма порядка. И вы – Саманта Деметер, вы ведь сами сказали!

Чем дольше Сэм смотрела, как тараторит жрица, тем спокойнее становилось у нее на душе: слишком много отличий с собой прежней она замечала. Вслед за спокойствием Уста богини даже кольнула жалость, но она быстро отбросила это недостойное чувство, вслух лишь вздохнула.

– Для послушницы храма порядка у вас просто непозволительные проблемы с логикой, – констатировала она, но не так холодно, как в начале разговора.

Ее слова уязвили Веронике, но тон приободрил.

– Так это правда? – сделала еще одну попытку она, глядя в глаза собеседнице почти преданно.

Саманта вздохнула вновь и указала вперед, пропуская послушницу дальше по дорожке. Вскоре они уже шли рядом, наслаждаясь утренней прохладой.

– Итак, давайте подытожим, – взяв привычную роль наставницы, заговорила Саманта. – Вы слышали историю леди Ривеллон, которая сказала, что из города вышла женщина в белых одеждах. Во-первых, есть ли у вас основания полностью доверять словам герцогини?

Веронике пристыженно замолчала.

– Во-вторых, даже если мы примем на веру, что все ею сказанное правда – леди Ривеллон не сказала, что женщина

была жрицей. Она лишь носила жреческие одежды. И в-третьих, в истории ни слова не прозвучало о том, что эта женщина – родственница номарха Деметера. Итак, на каком же основании вы задаете мне этот бестактный вопрос?

Саманта повернулась к собеседнице, и при виде задумчивого лица Веронике все же сжала пальцы в кулак.

“Все еще болит”, – наконец констатировала она то, что заметила еще вчера вечером.

– Вы точно шли по пути порядка! – наконец вскинулась Веронике, ударив кулачком по раскрытой ладони. – Вы только что сами выдали себя! Таким рассуждениям в храме хаоса не учат!

– Вообще-то учат, – поспешила осадить ее радость Саманта, с трудом сдерживая желание закатить глаза. – И как вас только сестры терпят? “Смирение, спокойствие и кротость – основа женской добродетели”, вы хоть слышали об этом когда-нибудь?

Веронике пристыженно опустила глаза и начала теревить широкие рукава мантии.

– Написать что ли вашей настоятельнице, что воспитание ее послушниц оставляет желать лучшего? То то она удивится, когда получит отповедь от хаоситки, – с убийственной серьезностью продолжала рассуждать Саманта.

– Не надо матушке! – Веронике испуганно вскинула руки, и без того огромные глаза стали больше, хотя казалось, что распахнуть их еще сильнее просто невозможно. – Я исправ-

люсь!

Саманта не выдержала и наконец зло рассмеялась.

– Но теперь я точно уверена, что вы из храма порядка! – победно вскрикнула Веронике, не обратив на веселье Сэм внимания. – Но не волнуйтесь, я никому-никому не скажу.

Сэм могла бы напомнить, что в храме хаоса доктрину порядка тоже учат, как и верования многих других, менее популярных культов, но не стала. Она рассматривала совсем еще юное лицо, полное надежды на справедливость, и чувствовала, что те места на ладони, в которые впились ногти, уже жжет от боли.

– И что же вам дает эта информация, юная леди? – уточнила она, когда между ними вновь воцарилось молчание.

– Я хотела спросить, почему вы отвернулись от порядка, – опустив глаза в землю, пробормотала Веронике, кажется, только сейчас понимая всю степень нетактичности своего вопроса.

– Я не отворачивалась. Я следовала доктрине так верно, как никто другой. И именно этот путь привел меня в монастырь хаоса, – ответила Сэм.

– Я вас не понимаю... порядок – справедливая сила, которая вознаграждает за труды. Как же он может привести к хаосу? – не унималась послушница.

Саманта подавила очередной вздох, решив, что третий за столь короткий разговор – это уже слишком.

– Надеюсь, вы и не поймете, – только и смогла сказать она.

– Простите. Вам неприятно, я была не учтивая, – наконец заметила дискомфорт собеседницы Веронике. – Я пойду.

Сэм остановилась и смотрела вслед юной девице, которая удалялась от нее почти бегом, борясь с противоречивыми чувствами. Наконец, она разжала кулак.

– Пойдите, Веронике! – окликнула она, пока тонкая фигура в белой мантии еще не скрылась за высокими кустами.

Веронике замерла и испуганно обернулась.

– Вы ведь понимаете, что вас прислали сюда вовсе не для того, чтобы отдать дань уважения примарху? Если не станете его женой, то скорее всего к вам посватается кто-то из вельмож. И ваши родители вряд ли откажутся от выгодной партии, – спросила Уста богини, замечая, как растерянность на лице Веронике сменяется страхом и отвращением.

– Нет, этого не может быть! – ответила послушница, но ее испуганный взгляд говорил об обратном. – Я – верная слуга порядка, и он награждает своих дочерей по их делам. Если я буду усердна в молитве и чиста духом, то останусь его служительницей.

– А если вам все же придется сойти с этого пути по воле родителей? – продолжала упорствовать Сэм, сама не зная, отчего так жестока.

Глаза веронике заблестели от подступающих слез.

– Этот не случится! Вы изводите меня, вы мне солгали! Никакая вы не послушница храма порядка, настоящая сестра так бы ни за что не сказала! – выпалила она и, резко раз-

вернувшись, бросилась дальше по дороге.

Сэм провожала ее равнодушным взглядом, внутренне по-прежнему сжимаясь от застарелой ноющей боли.

Глава 7

На пикник в саду Саманта собралась быстро. Лишь сменила свою обычную одежду на темно-бордовый халат из тех, которые висели в гардеробе, и попросила горничную сделать высокую прическу, чтобы вставить в нее блестящую заколку с острым наконечником.

К выходу в сад дамы шли в напряженном молчании. Некоторые тихо переговаривались, но чем ближе невесты подходили к галерее, из которой должны были царственно выплыть для первого представления примарху, тем тише становились голоса.

Распорядительница уже поджидала их и быстро построила в порядке, в котором каждой предстояло выйти. Впереди – герцогини, последними – послушницы.

– Прошу вас, пройдите вперед. Все же последователей доктрины порядка в Империи гораздо больше, – любезно предложила Саманта и подруги посмотрели на нее с недоумением.

Веронике окинула недавнюю собеседницу подозрительным взглядом, но поводов отказать ни она сама, ни ее сестры по вере не нашли.

Сэм пропустила вперед и Бьянку с Мириам, и встала замыкающей. Подруги переглянулись, чувствуя, что она что-то задумала, но что именно – догадаться не могли. А если бы

и догадались, не стали бы портить игру.

Выход из зала отделали от сада массивные зеленые портьеры. Некоторые дамы, которые выбрали для пикника зеленые платья, немного сконфузились, понимая, что потеряются на фоне этих тяжелых, расшитых позолотой метров и метров ткани. Бьянка же, сознательно прибегшая к такой тактике, улыбнулась.

– Выходите, идете вперед, к креслу примарха, кланяетесь ему и встаете слева от трона. Вам укажут, куда. Не суетиться, ничего не говорить. Поклон – и сразу в сторону, – в пятый раз повторяла Даниэлла Энкандер.

Все кивали: инструкции – понятнее некуда.

Из-за портьер дул приятный прохладный ветерок, слышалась музыка и людские голоса. Саманта пыталась представить, что увидит, когда выйдет туда, и даже немного жалела, что стояла в самом конце: ей придется томиться в помещении дольше остальных. Но затеянная ею шутка стоила свеч. Уста богини даже удивлялась, что никто, кроме нее, не подумал о столь очевидном парадоксе. А может и подумал, но поставил ее нынешнее положение выше прошлого. Ошибочно.

– Герцогиня Лилианна Притор! – наконец объявил герольд, и пышка в бежевом платье, которое делало ее похожей на аппетитный кремовый торт, выпорхнула за штору.

В открывшуюся щель Саманта успела рассмотреть просторную поляну, толпы народа справа и слева, и кресло, на котором вальяжно сидел Рихард. Он опирался на руку го-

ловой и обводил толпу скупающим взглядом, но стоило появиться первой даме, все же выпрямился. А потом тяжелая ткань вновь отрезала сад от зала.

Саманта, заметив, что ее сердце забилося чаще от непонятного волнения, мысленно обругала себя и выпрямилась.

Потянулся длинный список из почти тридцати имен.

– Мисс Бьянка Рошерин! – объявил распорядитель предпоследнюю участницу.

Бьянка, ободряюще подмигнув Саманте, прошла через портьеру. Саманта старалась не смотреть в открывшуюся щель, обводила равнодушным взглядом и без того заученную наизусть комнату. И наконец осталась нос к носу с зеленой тканью совершенно одна. Придворная дама ушла гораздо раньше: убедившись, что самые значимые невесты уже на поляне, поспешила к ним.

– Мисс... – начал было герольд, но вдруг закашлялся. – Номакис Саманта Деметер! – чуть поблекшим голосом провозгласил он.

Сэм, на губах которой подрагивала едва заметная улыбка, решительно шагнула через шторы. Даже вечерний свет после полумрака комнаты ослепил, но она пошла вперед, не дожидаясь, пока цветные пятна перестанут плясать перед глазами. Когда зрение к ней вернулось, тут же впиалась любопытным взглядом в лицо Рихарда.

Отмечала по-прежнему гордый вид и широкий разворот плеч, выгодно подчеркнутый праздничным мундиром, но-

вые морщины, едва заметную седину в каштановых с медной рыжиной волосах и тяжелый взгляд серых глаз, которые обрели цвет грозового неба к тому моменту, когда Саманта приблизилась к креслу, установленному на поляне на манер трона, и коротко склонила голову, не сгибая спины, в традиционном для любой послушницы приветствии.

Сдерживать смех в повисшем на поляне напряженном молчании ей становилось все труднее.

Искося взглянув на Рихарда, Саманта с удовольствием отметила, что его лицо окаменело. Только взгляд выдавал недовольство. И судя по тому, как затаили дыхание придворные, они за десять лет прекрасно изучили этот взгляд.

Сэм подняла голову и посмотрела прямо на примарха. Она знала, что он заметит, как подрагивают ее губы на показательно-серьезном лице. И сама видела, как напряглась его челюсть.

“Знакомая мимика. Правда, изучала я ее в нескольких обстоятельствах”, – подумала Сэм и облегченно выдохнула, осознав, что боли вовсе не столько, чтобы не суметь ей сопротивляться.

– Зачитайте еще раз титул последней гостыи, – потребовал Рихард.

Он говорил тихо, но в воцарившемся молчании герольд услышал его и на другом конце поляны.

– Номаксис Саманта Деметер! – провозгласил он.

– Номаксис, – повторил Рихард, будто смакуя слово на язы-

ке, и повернулся к распорядительнице. – Дочь правителя вольного города Деметер. Почему же она представлена последней?

Дама побелела и бросила многообещающий злой взгляд на Саманту. Та осталась невозмутима: она вчера представилась честно, и отвечать за чужую глупость не собиралась.

– Саманта Деметер...

– Номахис, – с нажимом повторил Рихард.

– Номахис Саманта Деметер – послушница монастыря матери хаоса, – попыталась оправдаться дама, но ее слова сделали ситуацию еще более нелепой. – Прошу меня простить, Ваша Светлость, впредь этого не повторится, – она присела в реверансе и замерла.

Саманта, уже с трудом сдерживая смех, нашла взглядом Бьянку и Мириам. Первая раздраженно прикрыла глаза и выдохнула сквозь зубы, вторая сохраняла непроницаемое выражение лица, но наблюдала за происходящим очень внимательно.

Над поляной повисла мучительная тишина. Примарх явно чего-то ждал, придворная дама понятия не имела, что еще от нее требуется.

Рихард потер пальцами переносицу так, будто сутки сидел за планом военного похода и смертельно устал.

“Ну давай же, Рид, как в старые добрые времена”, – думала Саманта, глядя на него почти прямо. – “Скажи “выйди и зайди нормально!” Я жду”.

– Дамы, копиньте поляну и представьтесь заново. На этот раз – так, как того требуют правила, – процедил Рихард.

Саманта опустила голову ниже, чтобы скрыть за выпавшими из прически прядями насмешливую улыбку, которую не могла больше сдерживать. Ей понадобилось несколько мгновений, чтобы справиться с эмоциями, затем она первой отвесила новый короткий поклон.

– Как вам будет угодно, Ваша Светлость.

И, развернувшись, направилась обратно в замок. Она, как и Фридолин с Лукасом, которые стояли неподалеку, как никто другой знала: Рихард не шутил.

И бесконечно-долгое приветствие повторилось вновь. С той лишь разницей, что Саманта вышла первой, Бьянка теперь замыкала строй, а леди Триссель и леди Соля поставили куда-то в середину – на место, подходящее ее титулу.

Уста богини, снова церемонно поклонившись, встала туда, куда ей указал учтивый слуга.

“Ближе всех к примарху. Во многих смыслах”, – вскользь подумала она, но не придала этому ироничному факту значения.

Рассматривать Рихарда на глазах у толпы, которую теперь вовсе не интересовали остальные невесты, не решилась даже она, потому принялась ловить любопытные взгляды придворных. Те, замечая, что пойманы, стыдливо отводили глаза.

За этой игрой Саманта и коротала время, пока остальные

дамы пользовались возможностью показать свои наряды еще раз.

Когда шеренга девиц, наконец, выстроилась перед примархом, как солдаты на плацу перед генералом, он поднялся с кресла и обвел всех взглядом, ни на ком особенно не задерживаясь. Лишь на Саманту не посмотрел вовсе.

– Рад приветствовать всех вас в своей резиденции, дамы, – сказал он так холодно, что сразу стало ясно: он бы предпочел отбиваться от разбойников на горной тропе под обвалом, но традиция есть традиция. – Визит каждой из вас – большая честь для меня и для всех жителей и гостей замка...

Теперь, когда правитель говорил, смотреть на него стало можно. И Сэм пользовалась моментом, вновь рассматривая гордую осанку, равнодушное лицо, которое она помнила куда более живым, по-военному сцепленные за спиной руки. Узнавала пронизывающий взгляд, но ни разу не ловила его на себе.

“Правильно, нечего силы тратить. Все равно бесполезно”, – мысленно усмехнулась она и вдруг поняла, что прослушала большую часть приветственной речи.

– ... и надеюсь, что вы сполна насладитесь этим вечером, – завершил наконец Рихард.

Музыканты заиграли громче, и формально девицы могли бы двинуться с места, но ни одна не решалась и шелохнуться. Тем более, что Рихард продолжал смотреть испытующе, да и гости не спешили расходиться между столов с легкими

закусками.

Никаких инструкций о том, как действовать после речи примарха, никому не давали. Придворная дама лишь просила молчать во время церемонии представления.

“Еще одна неформальная проверка, как вчера с рассадкой по креслам?” – запоздало подумала Саманта, шагая вперед.

Стоять ей надоело, а от ближайшего стола тянуло ароматом прекрасного сыра. По меркам ее тела, обед остался в далеком прошлом, банально хотелось есть.

– Благодарю, Ваша Светлость, вы очень добры, – сказала она, особенно выделяя интонацией последнее слово.

Рихард не отреагировал.

– Всецело надеюсь, что и наше общество доставит вам удовольствие, – Сэм едва заметно облизнула верхнюю губу. Кадык Рихарда дернулся, но высокий ворот одежды это скрыл.

Поняв, что говорить с примархом все-таки можно, герцогиня Притор тоже выступила вперед. И Саманта с облегчением освободила для нее место.

Еще до того, как все дамы выразили благодарности и пожелания, она успела пройтись вдоль столов, смешиваясь с заскучавшими гостями, выбрать самые привлекательные на вид бутерброды и перехватить пару бокалов игристого у официантов, которые вальяжно ходили между гостями.

Затерявшись в толпе, она наблюдала, как Рихард курсирует по поляне, и люди расступаются перед ним, словно льды

перед носом массивного корабля северян. Примарх подходил то к одной, то к другой потенциальной невесте, обменивался с каждой парой вежливых слов и двигался дальше.

Сэм гадала, дойдет ли сегодня очередь до нее.

Глава 8

Рихард Нейдв, пикник в столичном замке

Рихард любил порядок. Не в религиозном его смысле, скорее в общечеловеческом: когда вещи лежат, а люди стоят на своих местах, и когда законы и правила работают, чтобы сделать жизнь понятнее и безопаснее.

За почти десять лет его правления дворец узнал об этой его любви непонаслышке: теперь, выходя к гостям, примарх равнодушно отмечал, что ближе к трону стоят самые знатные, дальше от него – менее знатные. Не то, чтобы Рихард принципиально окружал себя людьми более высокого положения: он завел этот порядок, когда еще не знал всех важных людей столицы в лицо, и сейчас уже не видел смысла его менять. Да и людям так было гораздо спокойнее: дисциплина и предсказуемость помогали немного унять волнение и любопытство, которое Рихард читал почти во всех без исключения душах.

Когда первой из-за портьер выпорхнула герцогиня При-тор, Рихард нахмурился. Когда после нее вышла леди Ривеллон – уже откровенно злился. Он честно пытался запомнить лица и имена кандидаток, но запоминал лишь тщеславие, волнение, раболепное благоговение или откровенный страх в их душах. Сила, которая позволила ему править и мстить, давно стала проклятьем.

Некоторые “невесты” старательно демонстрировали богатство нарядов и собственную красоту, сверкали горделивостью, другие сохраняли равнодушное достоинство, третьи тщетно прятали смущение. К Веронике Триссель – маленькому беззащитному птенчику, который впервые оказался на глазах столь большой толпы и боялся так, что дрожали руки, – Рихард даже испытал легкую жалость.

Саманта появилась последней, и ее взгляд блестел так красноречиво, что стало ясно: она задумала этот фарс намеренно. Впрочем, придворная дама могла бы и догадаться поставить номахис, по титулу почти равную принцессе, вперед, но вероятно сочла нынешний статус послушницы более значимым, чем ее происхождение.

Рихард смотрел на Саманту и готов был сплюнуть от досады. Ее душа даже через десять лет оставалась скрытой от его взгляда. Тогда он принялся сравнивать, находя и не находя изменения. Лицо, по прежнему прекрасное, но сейчас еще более живое из-за лукавой улыбки. Кожу, которую десять лет жизни в предгорьях украсили пыльным загаром, волосы – некогда совершенно белые, но теперь пепельные, блестящие на солнце серебром. Широкий пояс подчеркивал все еще стройную, гибкую фигуру, уверенный взгляд без стеснения устремился на него.

– Подлокотник сейчас сломаешь, – шепнул Лукас, который стоял за спиной в качестве личной охраны. – Руку разожми.

Только сейчас Рихард заметил, что действительно сжал деревянный подлокотник пальцами. И последовал совету.

– А девочка-то выросла, – улыбнулся Фридолин. Рихард кивнул.

В самом деле – выросла.

– Номахис, – медленно произнес он, глядя на склоненную голову Саманты.

Не мог не видеть знакомой улыбки и знал, чего она ждет. Ради чего затеяла эту шутку. И не посмел ее разочаровывать.

– Дамы, копиньте поляну и представьтесь заново. На этот раз – так, как того требуют правила.

Новая череда приветствий, волна недоумения и даже легкого страха со стороны гостей – все это утомляло Рихарда. Но теперь церемония прошла правильно. Так, как должна была пройти.

Когда Саманта в очередной раз склонила голову и встала слева от трона, Лукас снова наклонился к Рихарду.

– Ну все, теперь монархисты решат, что ты начал проявлять тиранические замашки и покровительство хаоситам. Жди предложений о захвате трона, – проворчал он со злым весельем.

Рихард только пожал плечами: в последние пару лет он отказывался от подобных предложений минимум раз в месяц.

Произнося приветственное слово, Рихард осознал, что избегает смотреть на Сэм. Понимал, что это глупо, но чувствовал суеверный страх. Мерзавка первой подошла к нему с от-

ветом и облизала верхнюю губу. В этот момент Рихард едва не пожалел, что решил пригласить ее. Понял: она приехала, чтобы сделать с ним то же, что он когда-то сделал с ней. Или что-нибудь гораздо хуже.

Саманта Деметер

Рихард подходить не спешил, зато Саманту понемногу начали атаковать другие невесты. Они не говорили ничего особенного: подходили, выражали почтение “столь высокой персоне”, мило улыбались и предлагали обращаться к ним, если возникнут трудности.

Выслушивая их, Саманта высматривала на поляне подруг и вскоре выяснила, что их так же, как и ее, окружали новые знакомые. Бьянка выглядела откровенно уставшей, Мириам дружелюбно улыбалась.

Приятным разнообразием среди пестрой толпы девиц стал Фридолин. Его появление заставило стайку дам упорхнуть: никто из них не хотел в присутствии примарха слишком уж сильно сближаться с другими мужчинами.

– Не думал, что ты приедешь, но я рад, – сказал он, протягивая Саманте новый бокал взамен опустевшего, который она не задумываясь крутила в руке.

– Правда? А вот Лукас предпочел бы, чтобы я сбежала, – ответила Уста богини.

Фридолин пожал плечами.

– Мнения у нас с ним разные, но причина одна и та же: мы оба хотели, чтобы ты справилась.

– А он? Он хотел? – Саманта попыталась найти взглядом в толпе спину Рихарда, но не преуспела.

– Да разве по нему поймешь? – Фридолин поднял свой бокал. – Как бы там ни было, твое здоровье.

Саманта поддержала тост, и когда оба сделали символический глоток, Рихард направился в их сторону. Фридолин поймал его тяжелый взгляд и, извинившись перед Самантой улыбкой, скрылся в толпе.

Сэм ждала спокойно. Сейчас, глядя на Рихарда прямо, она вдруг поняла, что ее боль стара, почти невесома, и ноет так же, как старая рана солдата перед грозой. Но азарт никуда не делся, впрочем и он утратил остроту. Но она не собиралась отказываться от задуманного.

Рихард подошел и встал напротив. Сэм видела, как напряжены его плечи, насколько тяжел взгляд, и не собиралась облегчать момент ни словом, ни жестом. Снова отпила из бокала, поднимая подбородок и открывая взгляду примарха красивую длинную шею.

Рихард встал рядом с ней, и теперь оба, избавленные от созерцания глаз друг друга, смотрели на цветник из пышных юбок.

– Приглянулся кто-нибудь? – спросила Сэм, кивая на стайку девиц.

– Пока нет, – ответил Рихард.

Они снова замолчали, но никто не уходил первым. Оба ждали чего-то, и ни один не знал, чего именно. Казалось,

что-то не закончилось, хотя времени прошло столько, сколько иные и не живут.

– Хочешь титул? Земли? Деньги? – спросил Рихард, по-прежнему не глядя в глаза Сэм.

– Деньги были бы не лишними, но не от тебя, – покачала она головой.

– Что тогда? Проси, пока я примарх. После отставки полномочий у меня станет гораздо меньше.

– Просить? – Саманта тихо рассмеялась, и между ними снова повисла тишина.

Вдалеке мелькнула белая хламида и светлая коса Веронике, пальцы Уст богини на миг сжались на ножке бокала до белизны.

– Я сделал все что мог, – наконец сказал Рихард.

– Знаю, – кивнула Саманта и снова пригубила вино из наполовину опустевшего бокала. – Но ты не отплатил.

– Знаю.

Рихард повернул голову, взглянул на блестящие губы Сэм и вынул из ее пальцев бокал. Поднес его ко рту, на миг замер, но все же прильнул губами к чуть помутневшему краю стекла. Отпил вина и ненадолго прикрыл глаза.

– По-прежнему любишь терпкое, – отметил он, разглядывая пляску пузырьков в жидком золоте.

– С чего бы мне полюбить другое? – философски пожала плечами Сэм.

Оба замолчали еще ненадолго.

– Надеюсь, ты не собираешься на мне жениться? – наконец спросила Саманта прямо.

– Разумеется нет, – холодно пожал плечами Рихард.

– Хорошо. Отдай бокал, – она протянула руку.

Рихард не ответил. Коротко поклонился и ушел. Сэм едва заметно улыbnулась с легким злорадством, но в сгущающихся тенях никто этого не заметил. Она провожала взглядом не его, а тонкую стеклянную ножку в длинных пальцах, и думала, что за новым бокалом придется идти обратно на поляну.

Все самое значимое уже случилось, но покидать вечер раньше примарха считалось неприличным, поэтому Уста богини принялась высматривать нового официанта. Однако от необходимости нырять в толпу ее избавила Мириам.

– Я видела, что этот паршивец забрал у тебя бокал. Держи, – она протянула подруге новый и пристроилась рядом, в тени густой кроны.

Небо темнело, и на поляне уже зажгли яркие фонари. Возле них собрались стайки светлячков, которые кружились на фоне синеющего неба будто в такт тихой музыке.

Сэм наблюдала за Рихардом, который даже иногда позволял себе улыбаться, беседуя с другими дамами. И с удивлением убеждалась, что ей почти не больно. Зато стоило появиться в толпе белой косе Веронике, как сердце сжималось от воспоминаний.

– Знаешь, Сэм, – тихо заговорила Мириам, проследив взгляд подруги, – со стороны вы с примархом смотрелись как

хозяйева вечера. Будто десяток лет женаты.

Сэм дернула плечом так резко, что едва не пролила вино.

– Еще не хватало. Он пообещал, что не женится на мне, – ответила она, отводя взгляд от недавнего собеседника.

– Значит, ты все еще ненавидишь его так же, как раньше, – констатировала Бьянка.

Саманта даже не заметила, в какой момент подруга выросла рядом из сгущающихся теней.

– Не знаю. Просто странно думать, что я могла бы видеть его лицо каждое утро, как только открываю глаза.

– Еще бы не странно. Он же тебя... – начала было Бьянка, но под строгим взглядом Мириам прикусила язык.

Еще около получаса они стояли. Разговор то вспыхивал, то угасал, не останавливаясь ни на одной теме надолго. Саманта давно отвернулась от поляны, но ощутив на спине чей-то пристальный взгляд, обернулась и осмотрела гостей. Вскоре заметила Рихарда, который замер на лестнице у входа в замок. Как только их взгляды встретились, примарх поднял бокал, в котором вина осталось на самом доньшке, залпом допил его, отдал подоспевшему слуге и скрылся за дверью.

Их маленькой игры в гляделки не заметили даже Бьянка с Мириам, которые принялись спорить о платьях конкуренток.

Глава 9

На следующий день Даниэлла Энкандер снова собрала дам в гостиной. На этот раз все расселись куда быстрее. Герцогиня Притор попыталась предложить свое место Саманте, но на лишь покачала головой и прошла мимо кресла к облюбованному еще с прошлого раза подоконнику. И теперь села на него, получив возможность осматривать всю комнату сверху.

Придворная дама решила пока проигнорировать столь вопиющее нарушение этикета, но в том, что заметила его, Саманта не сомневалась.

– Как вам известно, дамы, примарх трудился на благо Империи почти десять лет. Поэтому будущая жена должна позаботиться о его спокойствии и должном мирном отдыхе после того, как его почетное место займет преемник, – степенно заговорила Даниэлла, оглядывая девушек орлиным взором.

Большинство согласно закивали, Бьянка тихо фыркнула.

– Чтобы старику подтирать сопли, нужна сиделка, а не жена, – пробормотала она так тихо, что расслышали только подруги.

Саманта подавила тихий смешок. Если “спокойствие” в ее понимании еще хоть как-то сочеталось с характером Рихарда, то “мирный отдых” – вовсе нет.

“Впрочем, мы оба не помолодели. Как знать”, – философ-

ски подумала она.

– Поэтому будущая супруга примарха должна обладать навыками ведения домашнего хозяйства. И прежде всего, уметь накрыть достойный стол. Именно его мы и будем про-
верять в следующие два дня, – провозгласила Даниэлла.

Среди девушек прокатились недовольные шепотки.

– Не хотите ли вы сказать, что нам придется готовить самим? – стараясь скрыть испуг, уточнила Паула Ривеллон.

– Разумеется нет, дамы. Вам лишь предстоит выбрать блюдо, проследить за его приготовлением и подачей. В течение двух дней каждая будет отвечать за свою часть рациона примарха. Если у вас есть пожелания касательно того, за какой именно прием пищи вы возьметесь, можете высказать их сейчас.

– Они воодушевились, – усмехнулась Мириам, рассматривая девушек, которые тут же сбились в стайки и зашумели. – Кормить примарха будут на убой.

– Вот бы он лопнул, – проворчала в ответ Бьянка. – Кстати, не слишком ли много девушек на два дня? Завтрак, обед да ужин – и трое бы справились.

Саманта покачала головой.

– Завтрак – большой выбор легких закусок и что-то плотное вроде яичницы или каши, скорее всего на него понадобится две девушки. Обед – четыре перемены блюд, включая первое, второе, десерт и чай. Затем еще полдник или перекус, если Рихард о нем конечно не забывает – это еще пароч-

ка девиц. И ужин – еще четыре перемены блюд, но бывает и пять. И так два дня. На всех работы хватит, – пояснила она.

– Точно лопнет, – подытожила Щит веры.

Заметив насмешливый блеск в глазах Саманты, подруги поняли, что она уже что-то задумала. Подняв голову, она нашла взглядом придворную даму, которая уже записывала пожелания.

– Мы втроем берем ужин второго дня, если позволите, – громко сказала она, перекрывая щебет голосов.

Некоторые дамы облегченно выдохнули, другие взглянули в сторону послушниц озадаченно. Саманта не опустила головы: она знала, что ужин – самая ответственная часть дня для прислуги. Но не собиралась отступать.

– Вы амбициозны, – задумчиво протянула Даниэлла. – Но вам потребуется еще две участницы: это вечер выходного дня, предполагается пять перемен блюд.

Саманта повернулась к конкурсанткам. Большинство из них сделали вид, что не заметили этого.

– Я тоже возьму вечер второго дня, – наконец решилась Паула, которая прежде что-то молчаливо обдумывала.

– И я! – несмело выкрикнула Веронике, на которую тут же недовольно покосились остальные послушницы храма порядка.

Саманта скрипнула зубами, но спорить не стала.

– Ну и компания... – протянула Мириам, разглядывая новых союзниц. – Что ты задумала, Сэм?

– Устроим примарху бессонницу на фоне несварения? – предложила Бьянка, заражаясь энтузиазмом подруги.

– Мелочно, – фыркнула Уста богини, хотя на мгновение идея показалась ей заманчивой. – У меня мысль получше, вам понравится.

После того, как распределение завершилось, придворная дама поднялась, но вдруг добавила ничего не значащим тоном:

– Ах да, чуть не забыла. В течение всего отбора каждая из вас встретится с примархом для личной беседы. Возможно не один раз. Запомните, дамы: все эти беседы, их количество и содержание, должны остаться вашей тайной. Говорить о них кому-либо из других участниц строго запрещено.

Сказав это, она на удивление грациозно для своих габаритов выпорхнула из комнаты.

Одна из ее помощниц, слившись с конкурсантками, подошла к Саманте.

– Номахис Деметер, леди Энкандер желает лично побеседовать с вами сегодня после обеда. Вас проводят, – шепнула она и выскользнула за дверь так ловко, что ее маневр остался незамеченным.

Сэм вздохнула, понимая, что ей придется отложить поход на кухню, который она уже предвкушала.

Когда послушницы хаоса снова уединились в гостиной Саманты, Бьянка едва не приплясывала от нетерпения.

– Ну, выкладывай, что ты задумала? – едва не набросилась

на подругу она.

– Предупреждаю сразу – помогать мне и делать пакости примарху не нужно, об этом я позабочусь сама. И вообще, я взяла именно вечер второго дня по другой причине.

Подруги притихли. Бьянка недовольно нахмурилась, зато Мириам смотрела с любопытством.

– Вы уже успели оценить наши совместные обеды и ужины с другими конкурсантками? – спросила она.

Бьянка скривилась.

– Кусок в горло не лезет, когда рядом с каждой рукой десяток приборов, и эти курицы так и ждут, что кто-то облажается, – процедила она.

– Мне тоже не по себе, хоть я и не забыла столовый этикет. А после ужина у горничной еды не допросишься, приходится есть со всеми, – кивнула Мириам.

– Мне тоже эти обеды не нравятся, – кивнула Сэм. – Поэтому предлагаю вот что: ужин примарху подготовим на открытом воздухе. Устроим не пикник, а что-то вроде походной столовой. Попытаюсь уговорить повара пожарить мясо на огне. Вы подготовите гарниры – то же, что в монастыре привыкли: кашу какую-нибудь и тушеные овощи. С десертом... придумаем что-нибудь. И вина с пряностями на огне сварим, помните, как после посвящения в младшие послушницы делали? В общем, гостей не обидим.

Чем дольше говорила Сэм, тем больше сомнений появлялось на лица Бьянки. Но Мириам быстро поняла идею по-

други.

– А пока будем готовить, что-нибудь и для себя оставим, и вина запросим больше, чем понадобится. Запасем все это в кухне или, если повезет, выторгуем у слуг какую-нибудь комнату, и их угостим заодно. И этикет не надо будет соблюдать, будь он неладен, и примарха накормим, а потом можно будет и самим отдохнуть! – закончила мысль Саманты она.

– Точно, – улыбнулась Уста богини. – Может, кто-то из других невест тоже захочет присоединиться, как думаете? С ними-то мы не враги, в конце концов.

Бьянка просветлела лицом, но все еще сомневалась.

– И где тут месть примарху? – спросила она.

Улыбка Саманты стала еще шире.

– Когда закончится ужин, посмотришь на его лицо. Тогда и поймешь, удалась месть, или нет, – загадочно пояснила она.

Бьянка, решив, что в мясо или вино Сэм непременно что-нибудь подмешает, успокоилась.

Обед прошел в том самом напряжении, которое так не нравилось хаоситкам. Они привыкли, что трапеза – дело хоть и молчаливое, но мирное. Время, когда можно передохнуть от дел, подумать или шепотом побеседовать с соседкой по столу.

После трапезы горничная действительно повела Сэм в ту часть замка, где она прежде не бывала. Остановилась у одной из дверей в длинном коридоре и замерла.

Уста богини толкнула створку и оказалась в просторном кабинете, которым Даниэлла Энкандер, восседавшая за массивным и совершенно пустым столом, явно пользовалась нечасто.

– Проходите, номахис, – кивнула она, как только Саманта прикрыла за собой дверь.

Сэм повиновалась, но первой не заговаривала, хоть и понимала, чего ждет от нее придворная дама.

– Вы не намерены извиниться? – спросила Даниэлла, как только Сэм подошла почти вплотную к столу.

– За что? – равнодушно уточнила она.

– За отвратительную сцену на пикнике. Вы разозлили Его Светлость, вы поставили под удар не только меня, но и показали в дурном свете остальных невест, – столько же спокойно пояснила дама.

– Я поставила? – изогнула бровь Уста богини. – Я представилась вам по всем правилам. Вы знали мой титул. И тем не менее не сочли нужным менять установленный порядок. Я доверилась вашему мнению.

– Не притворяйтесь более глупой, чем вы есть, номахис! Добиваетесь, чтобы Его Светлость заподозрили в связи с доктриной хаоса? Думаете, что все эти слухи о новом “кровавом императоре” – правда? Зря надеетесь! – распалялась дама.

“Видимо, выбирая между интеллектом и верностью, Рихард делает ставку на верность”, – брезгливо поджав губы,

подумала Саманта.

– Никаких предложений от монархистов я не получала и вряд ли получу. Кроме того, доктрина хаоса уже не та, что прежде: ею теперь невозможно пользоваться для оправдания тирании, новые ее положения скорее подойдут для повстанцев, свергающих тирана, – холодно отчеканила она. – Меня не интересует политика, леди Энкандер, вам не о чем беспокоиться.

Придворная дама осмотрела ее, постучала толстым пальцем по столешнице и прищурилась.

– Кроме того, вы сеете сомнения в душах остальных участниц. Само ваше присутствие здесь оскорбительно. Вы же понимаете, что слухи, которые теперь ползут по замку, вредят репутации Его Светлости? – продолжала придворная дама.

– Какие именно слухи? Мне о них ничего неизвестно, – не теряя самообладания, уточнила Сэм.

– Вы еще спрашиваете? – притворно удивилась Даниэлла. – Как минимум слухи о том, что ваше участие в отборе – часть испытаний.

– Я никогда лично этого не утверждала. Домыслы других участниц – не моя забота. Только они сами – хозяйки своим умам, – отбила Саманта и это.

– Что ж, вы скользкая женщина, номахис. Но будьте уверены, надолго вы на отборе не задержитесь. Я найду способ сделать так, чтобы вы покинули нас как можно быстрее, и не

потерплю ни смутьянства, ни вольнодумства среди девиц! – холодно припечатала дама.

– Если вы найдете способ избавить меня от конкурса, буду вам весьма обязана, леди Энкандер. Или как минимум с удовольствием понаблюдаю за вашими попытками, – Саманта улыбнулась, зная, что переходит границу вежливости. Придворная дама на миг задохнулась от возмущения, но сумела взять себя в руки.

Сэм продолжила говорить, не дав ей вставить комментарий.

– Но пока я здесь, прошу, обрисуйте мне в общих чертах, что вы считаете вольнодумством. Чтобы я ненароком не посеяла его среди дам.

– Достойная леди и супруга должна быть скромна, почиттельна, образована, заботлива, чиста телом и помыслами. Все, что заставляет девушку выходить за эти рамки – вольнодумство, – не задумавшись, процитировала леди Энкандер “наставление для молодых девиц”.

Саманта дернула плечом. Знакомая горечь снова растеклась по груди, словно не было никаких десяти лет осмысления и перемен.

– Поняла вас и постараюсь учесть ваши слова. Впрочем, само наше появление здесь уже противоречит как минимум последнему пункту из списка качеств идеальной жены. С этим я ничего не могу поделать, – наконец ответила она после слишком долгой паузы.

– Вы здесь не задержитесь. Но до тех пор, пока не освободите замок от своего присутствия, мне придется надеяться на остатки вашего благоразумия, – процедила придворная дама. – Можете идти.

Головы Саманта не склонила, просто вышла из кабинета.

– Я поговорю о вашем поведении с Его Светлостью, – пообещала ей Даниэлла напоследок.

Саманта только фыркнула.

“Удачи”.

Остаток дня она провела в своей спальне, глядя на прозрачную белую ткань балдахина, которая вдруг стала напоминать ей полог походного шатра.

Глава 10

Только вечером, когда солнце уже скрылось за горизонтом и коридоры замка погрузились в полумрак, Саманта поднялась с постели. Приготовление к ужину, который она запланировала, следовало начать заранее. Или как минимум подготовить для них почву.

Впервые за два дня вызвав горничную с помощью серебряного колокольчика на веревке, Саманта попросила отвести ее в кухню.

– Вы уверены? Там сейчас другие конкурсантки, отдадут распоряжения на счет завтрака, – с сомнением протянула де-вушка.

– Я подожду, – не сдалась Саманта.

В кухне, несмотря на поздний час, действительно царил переполох. Три конкурсантки, имен которых Саманта никак не могла вспомнить, стояли между столов, котлов и печей как генералыши, и командовали – каждая на свой лад.

Главный повар в происходящем не участвовал. Высокий и грузный, он смотрел на суету из дальнего угла, будто изгнанник, который смотрит с холма на оставленный город, и лишь изредка качал головой.

Саманта не стала никого окликать. В кутерьме приготовлений ее никто не заметил, и она встала у двери, облокотившись плечом на косяк. Прошло какое-то время, прежде чем

одна из конкурсанток увидела ее.

– Что тебе надо? – она подбоченилась и надула и крулгие щеки. – Ты же подаешь последний ужин, нечего тебе тут делать! – крикнула она.

Две ее товарки поддержали соратницу согласными, но бессвязными окриками, пытаясь при этом не выпускать из виду слуг.

Теперь и повар обратил на нее внимание. Смерил гостью равнодушным взглядом, прищурил серые глаза под выцветшими кустистыми бровями, и спустя несколько секунд его лицо озарила широкая улыбка узнавания.

– Саманта, голубка моя недощипанная! – крикнул он так раскатисто, что теперь на Сэм обернулись все, кто работал на кухне.

К счастью, долго ее не разглядывали: три девицы окриками и почти руганью вернули поваров и слуг к работе. Повар же спешно пробрался к ней и, подхватив под руку, отвел к ближайшему окну.

– Погоди, погоди, не говори ничего. Дай посмотрю на тебя, – тараторил он, останавливая Саманту в пятне лунного света. Отошел на шаг, покачал головой и недовольно цыкнул. – Вся работа моя на смарку, ты до сих пор худая, как жердь. Ну может, чуть мясаросло.

Сэм слушала его причитания и невольно улыбалась.

– Я тоже рада видеть тебя, Рон. Как ни странно, – выдохнула она, когда поток слов повара иссяк. – Удачно, что ты

по-прежнему заведуешь личной кухней Рихарда.

– Кто ж еще? – хохотнул мужчина так, что затряслось все его железное тело. – После того, как... в общем, за десять лет он меня ни разу и на неделю в отпуск не пустил. Уж не знаю, благодеение это или проклятье.

Расстроенным таким положением вещей Рон не выглядел, и вернул Саманте дружелюбную улыбку.

– Как ты тут устроилась? Как еда? Если что-то хочешь – скажи. Еще два дня я на кухне не хозяин, но потом смогу вам на стол что-нибудь особенное подать, – предложил Рон, не сводя с непрощенной гостьи взгляда.

Глаза Сэм на миг блеснули непрощенными слезами, но Уста богини моргнула, и они исчезли. Рону показалось, что он видел лишь короткий отблеск луны.

– Еда выше всяких похвал, – заверила она давнего знакомого. – Правда, я немного скучаю по каше с мясом из походного котла. И по жареной дичи.

Улыбка тут же спала с лица Рона, сменяясь растерянностью, а затем пониманием.

– Сэмми... может, не надо? Его не жалеешь – себя пожалей. Вы ведь оба там будете, – попытался возразить он, но наткнулся на уверенный взгляд и со вздохом отступил. – Ладно, замариную завтра утром кабанчика, как раз к вашему ужину успеет. Вечером разведем огонь на поляне. Но больше ничем помогать не буду.

– Я сама сделаю, ты только оставь рецепт и найди парней

покрепче, чтобы с вертелом хорошо управлялись. Если он спросит – ты не причем, – мотнула головой Сэм.

– Если сама, могла и завтра прийти, – Рон почесал вихрастый затылок. – Зачем сегодня?

Сэм облокотилась плечом на стену, скрестила руки на груди и пожала плечами.

– Просто... у твоего котла всегда тепло.

Рон снова улыбнулся, но взгляд на этот раз остался печальным.

– Можно мы с подругами немного возле него погреемся? После того, как испытание закончится. У тебя же наверняка есть тихий уголок, где мы не помешаем, – продолжила Саманта, сжимая пальцы на предплечьях.

Повар вздохнул и по-отечески потрепал ее по плечу.

– Найдется. Только зря ты все это. Уезжала бы – и забыла.

– За десять лет забыла бы, если бы могла, – вновь покачала головой Саманта.

– Ладно, не мне тебя учить. Мое дело накормить как следует. Когда придете готовить ужин, я покажу, куда излишки припасти, – окончательно сдался он.

Они еще немного постояли, глядя на залитый лунным светом сад. Но слишком долго прохлаждаться Саманта не планировала. Сбравшись с духом, развернулась и шагнула в холодный коридор.

– Береги себя, – напутствовал Рон ей в спину.

Сэм обернулась с лукавой улыбкой.

– А ты – его береги. С этих, – она кивнула в сторону кухни, – станется любовное зелье подсыпать, а мне он нужен в добром здравии и трезвой памяти.

Рон коротко рассмеялся, вновь покачал головой и скрылся за дверью кухни. Об пол загрохотала опрокинутая кем-то в спешке посуда, но на этот звук Саманта уже не оглядывалась.

Следующие два дня всем конкурсанткам предстояло завтракать, обедать и ужинать вместе с примархом. Для приемов пищи выделили просторную столовую с тремя столами: один небольшой – для Рихарда и его приближенных, и два длинных – для конкурсанток и других придворных, которые составляли им компанию за трапезой и должны были оценить блюда.

Саманта не слушала, по каким критериям их будут оценивать, результат конкурса волновал ее в последнюю очередь. Пока Даниэлла зачитывала список условий и правил с таким важным видом, будто озвучивала текст новой имперской Конституции, Сэм рассматривала собравшихся.

Пару раз встретилась взглядом с Лукасом, тот ободряюще ей улыбнулся. Фридолин коротко кивнул, остальные из тех, лица которых Саманта помнила, либо тоже едва заметно улыбались, либо предпочли сделать вид, что не узнают ее.

Затем вынесли блюда. Саманта запихнула в себя постный, даже не посоленный лист салата и принялась методично резать помидор до состояния жидкой каши. Один раз поймала

равнодушный взгляд Рихарда, на миг сжала в пальцах нож, но тут же расслабилась.

Дамы по очереди рассказывали, почему выбрали именно такие блюда. Слушая про пользу здорового рациона, Бьянка откровенно закатывала глаза, Мириам же просто воздавала должное дармовой еде. Ее аппетит не портила даже напряженная тишина и звон приборов, которые то и дело выпадали из рук конкурсанток, стоило взгляду Рихарда задержаться на них дольше, чем на пару мгновений.

Когда попытка завтраком наконец завершилась, Саманта поймала у выхода Паулу и Веронике, и впятером их странная компания отправилась в сторону спален. Уста богини, не спрашивая ничьего согласия, завела девушек в свою гостиную.

– Я предлагаю использовать праздничное гранд-меню. Беспроигрышная классика дворца: сытная и легкая, – тут же начала леди Ривеллон. – Куропатки под медово-перечным соусом как основное блюдо, тушеные овощи с паприкой на гарнир, пастила с клюквой на десерт. Напитки на выбор: столовое вино, смородиновый морс, вода с лимоном.

Она оглядела временных соратниц торжествующим взглядом, но хаоситки ответили ей равнодушной скукой. Только в лице Веронике она нашла поддержку.

– Отличная идея! – поддержала юная послушница храма порядка, не сразу заметив, что они с леди Ривеллон в меньшинстве. – Разве вам не нравится?

– Будет походная столовая. Дичь на открытом огне, овощи, каши, пряное горячее вино и травяной настой для тех, кто захочет от него воздержаться, – ответила Саманта.

Паула нахмурилась и выпрямилась, словно натянутая струна.

– С чего ты решила, что будешь командовать? Мое предложение гораздо выигрышнее. Сама подумай: все сейчас из кожи вон будут лезть, чтобы удивить Его Светлость или показать заботу о его здоровье. Простая классика будет выглядеть на этом фоне, как чистый алмаз рядом со стеклянной бижутерией, – возразила она, глядя прямо на Сэм.

Уста богини ответила герцогине холодным взглядом, та даже поежилась на секунду, но тут же вновь выпрямилась.

– Леди Ривеллон, если вы планировали затмить других участниц конкурса, то выбрали не ту команду. Сочувствую. Из всего, предложенного вами, нам подходят только овощи, можете заняться ими. Еще буду весьма благодарна, если придумаете подходящий для походного меню десерт, – уверенно, но беззлобно осадил соперницу она.

Несколько мгновений герцогиня и номахис смотрели друг другу в глаза. Паула сжала кулаком подол юбки, ее спина оставалась совершенно прямой. Саманта откинулась на спинку дивана, забросила ногу на ногу и отвечала ленивым, почти скучающим равнодушием.

Наконец леди Ривеллон перевела взгляд на стоящую неподалеку Бьянку, которая притопывала ногой, что-то обдумыва-

вая, затем на Мириам, которая глядела на нее в ответ с нескрываемым сочувствием. И наконец на Веронике, что спрятала порозовевшие щеки под длинными волосами, низко опустив голову.

Поняв, что она в меньшинстве, герцогиня вздернула нос и отвела взгляд.

– Ладно. Но я сделаю такие овощи, которые будут выглядеть посреди вашего нищенского ужика как золотая монета в помойной куче, – наконец решила она.

– Уверены, что бросать золотую монету в помойную кучу – то действие, которое вас украсит, герцогиня? Если так, спорить не стану, – кивнула Саманта. – Вопрос с десертом остается открытым.

Сама Сэм сладкое не любила и почти ничего не знала о десертах, потому обвела взглядом собравшихся. Минииам и Бьянка, которые провели больше десятка лет в монастыре, где одним из немногих ограничений было почти полное отсутствие сладостей, лишь пожали плечами.

– Можно ягоды растереть с сахаром и мятой. И подать с хлебом... или галетами. Мы так с дикой малиной делали, когда были служками, – вдруг подала робкий голос Веронике.

Уголки губ Саманты дрогнули, но она ободряюще и почти искренне улыбнулась.

– Отличная идея. Значит, займешься десертом.

Юная послушница просияла и даже расправила плечи.

– Чур вино и травы за мной, – блеснула глазами Мириам.

Саманта, заранее зная, что подруга прихватит пару бутылок не только для их маленькой секретной пирушки, но и для себя лично, спорить не стала.

– Мне самая легкая часть, выходит, – одобрительно улыбнулась Бьнка. – За мной каши.

– Так нельзя! – сделала еще одну попытку Паула. – За такое простое меню нам поставят низкие оценки. Вы что, вообще не слушали леди Энкандер? Она ведь ясно указала критерии: польза, питательность, оригинальность и красота подачи.

Саманта мельком взглянула на ее и снова повернулась к подругам.

– Точно, подача. Миски и ложки деревянные, котлы железные. Мириам, Бьянка, позаботитесь? А я найду подходящие столы и навесы для них.

Подруги синхронно кивнули, расплываясь в предвкушающих улыбках. Леди Ривеллон страдальчески закатила глаза.

Глава 11

Рихард Нейдв

Рихард стремительно шагал по коридору, проклиная отбор и все традиции, связанные с отставкой примарха, вместе взятые.

Если дело не касалось приема гостей, он привык обедать в кабинете, едва ли отрываясь от работы, и ужинать в спальне, если не засыпал, как только голова касалась подушки. Но теперь ему предстояло вытерпеть два дня полного столового официоза. Формальные обеды и ужины мало того, что раздражали многолюдностью, так еще и отнимали кучу времени, которого и прежде катастрофически не хватало.

Его преемник – амбициозный тридцатилетний герцог Притор, брат одной из участниц, за минувшие три месяца неплохо влился в работу и снял с него часть административной нагрузки. Зависть, которая клубилась в глубине его похожей на стоячую затхлую воду душе, этому не помешала.

Но все формальные встречи и заседания все еще проходили только в присутствии Рихарда, важные указы и дипломатическая переписка тоже не могли миновать его стол.

Рихард так задумался, что едва не сбил с ног мальчишку в форме лакея, который нагло преградил ему путь. Как только юнец разогнулся из поклона, примарх узнал в нем одного из младших отпрысков семьи Ривеллон – смазливового и черно-

волосого, как и вся его семья.

Герцог оглядел пустой темный коридор и вздохнул.

– Говори, – бросил он сквозь зубы в надежде, что парень уложится в пару коротких фраз.

– При всем уважении, Ваша Светлость, если вы действительно планируете короноваться, приближать к себе хаоситку неразумно. На нынешнем этапе это только вызовет подозрения и ненужные ассоциации с последним императором. Сейчас куда выгоднее держать эту союзницу в тайне. Прошу, предоставьте это нашей семье, и когда понадобится, мы выведем номахис Деметер на политическую арену! – протараторил юноша на одном дыхании.

Рихард выдержал паузу, убеждаясь, что молодой Ривеллон сказал все, что хотели передать ему его вздорные родители.

– Пошел прочь, – равнодушно бросил он и, обогнув паренька, направился дальше по коридору.

Оказавшись в кабинете, примарх устало опустился в кресло и тут же привычно потянулся за пером, хотя ничего не планировал писать, покрутил позолоченную ручку в руке и отложил его обратно на подставку.

– Монархисты совсем достали? – сочувственно спросил Лукас, худая фигура которого терялась на фоне массивной мебели в кабинете.

Рихард не стал подтверждать очевидное.

– А может, тебе и правда короноваться? Сплошные плюсы

же, – предложил Лукас, не получив отпора.

Рихард холодно взглянул на него, и улыбка приближенно-го съежилась. Лукас кашлянул в кулак и вернул лицу серьезное выражение.

– Могу начать? – спросил он, худая фигура которого терялась на фоне массивной мебели в кабинете.

Рихард кивнул.

– Проверил еще раз всех, кого ты просил.

– Ривеллон? – спросил Рихард, откидываясь на обитую синим бархатом спинку кресла.

– Подтвердилась связь ее семьи с хаоситами. Среди родственников герцога никто официально не посвящен в их веру, но у парочки бастардов есть магические дары от хаоса, так что она тебе в жены не годится, – бегло отчитался Лукас. Он держал в руках бумаги, но почти на них не глядел.

Рихард прикрыл глаза и провел ладонью по лицу.

– Триссель.

– В биографии Веронике все чисто: ее дядя прочно сидит в кресле главы столичного храма порядка и уходить оттуда не собирается, ее брат готовится к посвящению в жрецы.

Примарх медленно выдохнул сквозь стиснутые зубы.

– Да ладно тебе расстраиваться, Рихард, – язвительно улыбнулся Лукас. – Опыт со жрицами порядка у тебя уже есть, и с этой справишься.

– Один случай – это не опыт. Что с Притор?

– В семье Притор тоже все чисто, хотя у самой Лилианны

был тайный роман с дипломатом из королевства Миления. Я пока не выяснил, насколько далеко зашла их интрижка, но детей у нее точно нет. Если решишь выбрать ее, придется проверить глубже, – Лукас сам усмехнулся собственной грубой шутке, Рихард поморщился.

– Проверьте герцогиню Притор. Доложи, как только все станет известно, – велел он.

– А если она не чиста? – уточнил Лукас, вздернув бровь.

– Сделаешь так, чтобы формально была чиста, – тихо рыкнул Рихард. Разговор начал его утомлять.

– С Веронике проблем будет гораздо меньше, – цыкнул начальник его охраны. – Выберешь ее, и ни о чем не придется беспокоиться. Идеальная кандидатка: влияние семьи, статус, и в глазах людей уйдешь красиво.

– Мне хватило одной уверовавшей дуры, – устало ответил Рихард, опираясь локтями на стол.

– Дуры? – искренне удивился Лукас. – Вот уж не согласен. Наивной – пожалуй, но дурой она не была с самого начала.

Рихард бросил на него раздраженный взгляд.

– Защищаешь ее? Поздно, Лукас. Все вы согласились с моим планом, никто не спорил. Бездействие – тоже деяние, тебе ли не знать? Всем нам была дороже своя шкура, и теперь глупо покрывать плечи белым плащом.

– Если глупо, зачем ты ее вообще позвал?

Разговор прервал настойчивый стук в дверь.

– Войди, – бросил Рихард, отворачиваясь от старого това-

рища. Но неоконченный разговор повис между ними клубом едкого дыма.

– К вам Рон Грейв, Ваша Светлость, – сообщил секретарь. Рихард махнул рукой, показывая посетителю войти.

Рон поклонился, но, получив разрешающий кивок, тут же расслабился и плюхнулся в кресло напротив Лукаса.

– Ты просил сообщать, если девушки задумают что-то из ряда вон. Догадайся, кто отличился? – улыбнулся он.

– Что она собирается делать? – поторопил Рихард, не настроенный шутить.

– Пикник с жареной дичью, а потом – тихий вечер на кухне в компании своих подруг и возможно других конкурсанток, – уловив настроение примарха, коротко отчитался повар.

– Вот как, – Рихард взглянул на Лукаса, тот тревожно встрепелся. – И что они просят?

– Ничего особенного. Излишков с вечернего стола, несколько бутылок вина и тихую комнату. Может, любтню, – растерянно добавил Рон.

– Что ж... – примарх на несколько секунд задумался, сжав пальцами подбородок, – выдай все, кроме вина. Но запомни, сколько попросят, и собери его в отдельную корзину. После ужина отдашь мне.

Рон с сомнением поскреб пальцами затылок.

– Может, не стоит портить девочкам отдых? Им тут и так нелегко...

– Исполняй, – устало прервал возражения примарх.

– Будет сделано, – со вздохом кивнул Рон и поспешил уйти.

– Лукас, если она у тебя что-то попросит, исполняй все. И подтяни на поляну старых гвардейцев. Расставь по периметру для охраны, но намекни, что с поста отлучаться можно, – добавил Рихард, когда шаги повара затихли в приемной.

– Понял, – кивнул Лукас, старательно скрывая в глубине глаз жалость. Злить старого друга еще сильнее он не хотел.

– К вам леди Энкандер, – сообщил из приемной секретарь.

Стоило дородной даме войти в кабинет, Рихард по ее поджатым губам догадался, о чем она заведет разговор.

– Ваша Светлость, я вынуждена доложить о вопиющем поведении одной из конкурсанток... – степенно начала она, сверкая возмущенным взглядом.

Рихард поднял руку, призывая ее замолчать.

– Нوماхис Саманта Деметер останется на отборе. В рамках закона пусть делает, что хочет. И присмотритесь к реакции на нее остальных конкурсанток: те, кто поддастся ее... своеобразному обаянию, мне не подходят, – коротко проинструктировал он. На светские беседы и объяснения сил давно не осталось.

– Как прикажете, – грузная дама склонилась в идеальном реверансе и скрылась за дверью, как только получила на это разрешение.

– Ты тоже можешь идти, – бросил Рихард Лукасу.

Оставшись в одиночестве, примарх закрыл глаза и опустил голову на сложенные на столе руки, ловя несколько блаженных мгновений тишины.

– Ваша Светлость, дамы уже собрались к обеду, – сообщил из-за двери секретарь.

Рихард сжал кулак и поднялся. Одернул мундир, поправил воротник. Он должен оставаться безупречным. По крайней мере, еще несколько дней.

Невесты, не сговариваясь, раз за разом устраивали из обычной еды целые шоу. Фонтан пряного вина, лебеди из воздушного зефира, морские деликатесы, фигурная нарезка овощей, торт в форме пятиярусного замка – все это выглядело пустым излишеством. Когда Рихард изредка, забавы ради, спрашивал одну из девушек о причине, по которой она выбрала для подачи именно такое блюдо, все как одна твердили о пользе, поддержании здоровья и эстетике, словно забыли все слова, кроме тех, которые составляли критерии оценки.

Некоторые пытались продемонстрировать искреннюю заботу, но от таких тошнило больше, чем от явных попыток выделиться. Рихард не нуждался ни в кулинарных произведениях искусства, ни в няньке, но смиренно терпел, раз за разом останавливая собственный взгляд, который за считанные мгновения безошибочно вычислял среди голов серебряную косу.

Вечера второго дня Рихард ждал, как приговоренный к

смерти ждет казни: с усталой обреченностью и желанием закончить все поскорее. Однако когда лица коснулся уже по-осеннему свежий, но все еще ласковый ветер, а носа – запах дыма костра и жареного мяса, он прикрыл глаза и на миг даже сумел представить, что нет никакого замка, никаких невест – только лес, веселые солдаты и походный огонь.

В животе призывно заурчало, но к счастью, не слишком громко: звуки простой песни и тихий шелест желтеющей листвы избавил Рихарда от возможной неловкости.

Примарх шел вдоль ряда придворных и невест, которые приветствовали его поклонами, чувствовал недоумение, веселье, презрение, и не пытался разобрать, кому какие эмоции принадлежат. В последний год в этом не было смысла.

Привычно отыскал в толпе серебристую косу. Сегодня задача усложнялась: если прежде достаточно было вычислить, на каком месте сидит Саманта, чтобы больше туда не взглянуть, то сегодня она наверняка собиралась гулять по поляне, и не смотреть на нее станет гораздо сложнее.

Вечер мог бы быть приятным: широкие деревянные столы под простыми тканевыми навесами, треск огня, привычная и добротная еда, веселые разговоры. Простота обстановки побуждала гостей ужина отбросить формальности, вечерние сумерки скрывали неточность движений и слишком широкие улыбки, музыка – брошенные вскользь неправильные, а порой и совершенно неприличные слова.

Рихард знал, что ужин готовили пять девушек, но все во-

круг – от простоты мебели до пряного запаха горячего вина – дышало ее весельем, ее горькой свободой. И оттого Рихард держал спину прямее, взгляд – строже. И незаметно сжимал кулак всякий раз, когда видел в толпе черный подол расши- того серебряными нитями балахона или кончик блестящей косы.

В тот момент, когда он поверил, что сможет вынести этот прием, не упав в пучину воспоминаний, над поляной грянул раскат смеха, в котором выделялся один – похожий на плаксивый крик чайки. Рихард сразу обернулся, хоть и говорил с другой девицей, и, проклиная себя, нашел Саманту, окруженную хохочущими мужчинами. Она и сама искренне веселилась, запрокинув голову, и даже не почувствовала его взгляда.

В прошлый раз, когда Рихард застал Сэм вот так же смеющейся среди вечерней солдатской пирушки, он схватил ее за воротник, утащил в свой шатер и заставил наслаждаться его любовью до самого рассвета. А утром, когда настало время отправляться в путь, посадил на коня перед собой, позволяя дремать после бессонной ночи.

Глава 12

Саманта Деметер, ужин во дворце

Саманта понимала, что подготовила для новой атаки обоюдоострый нож. Рихард вспомнит, но и она – тоже.

Она думала, что готова нырнуть в пучину прошлого, но как только от костра потянуло запахом дыма и вечер накрыл поляну мягким полумраком, на миг остановилась, пытаясь выровнять дыхание. Ей почти удалось, когда сзади послышался голос Веронике.

– Саманта, все готово! Блюда с гарнирами вынесут, как только придет Его Светлость! – доложила она, подбегая со стороны кухни.

Уста богини дернула плечом.

– Спасибо, – кивнула она, но на помощницу даже не взглянула: рассматривала лица личных гвардейцев примарха, оцепивших периметр.

– Ой, – Веронике, тоже увидев их, вздрогнула. – На прошлом пикнике охраны было меньше. Неужели нам что-то угрожает?

Юная послушница уже почти привыкла к всегда спокойному и сдержанному виду Саманты, но сейчас, взглянув на нее мельком, с испугом отметила, как напряжено лицо главы их маленькой команды.

– Не думаю, что сегодня в парке опаснее, чем пару дней

назад, — тихо сказала Сэм и быстро отвернулась от гвардейцев, которые рассматривали ее с не меньшим удивлением, чем она — их.

Слухи о прибытии в замок номахис Деметер до них доходили, но большинство из верных солдат Рихарда полагали, что это не более чем обычная сплетня. Почти никто из них не верил, что ей хватило бы сил появиться здесь.

Веронике хотела еще что-то спросить, но Саманта, заметив, что на поляну выносят тушу кабана, поспешила к поварам, прерывая разговор.

С каждой минутой реальность мешалась с воспоминаниями, и боль утраты разгоралась все ярче, полыхая в такт пляске высокого пламени. Тени скрадывали краски нарядов и улыбчивые лица, и Саманта вновь видела угрюмое, принужденное веселье, растерянность, чувство странной слепоты при взгляде на людей, которые за одну ночь в ее глазах вдруг стали плоскими и одинаковыми, словно бездушные тени. Ее мир снова лишился красок, и она отчетливо понимала, что прежняя яркость никогда уже не вернется. Как и прежняя чистота.

Наконец Рихард изволил явиться. Сэм склонила голову, когда он стремительно прошел мимо, но успела заметить глубокие тени на усталом лице и напряженные плечи. Невольно улыбнулась, и темнота скрыла ее злорадство: боль от раны, которую она нанесла себе, отражалась и в его холодном взгляде.

Когда началась трапеза, Саманта так и не смогла воздать должное отличному мясу и стараниям своих сокомандниц: кусок не лез в горло. И все же ее улыбка сверкала даже ярче, чем прежде.

Уста богини чувствовала присутствие Рихарда кожей, и всякий раз оказывалась к нему спиной.

– Номахис Деметер! – Лукас окликнул ее в тот момент, когда она раскланивалась с очередной девицей, которая решилась выразить открытое недовольство походной кухней.

Сэм обернулась и удивленно вскинула брови: начальник личной охраны Рихарда шел во главе небольшой группы мужчин. Среди них затесались и придворные, лица которых она начала смутно припоминать, и кое кто из замковой охраны.

– Чем обязана? – спокойно спросила Уста богини и сжала губы в тонкую линию.

Лукас не отвечал. Мужчины приблизились и хотя оставались на предписанном этикетом расстоянии от леди, почти окружили ее. Сэм снова дернула плечом, невольно подумав, что такими темпами скоро заработает вывих, но всмотревшись в лица людей, поняла, что враждебности на них нет. Однако в воздухе повисло странное напряжение, которое все старались сгладить неловкими улыбками.

– Уж не арестовать ли ты меня собрался? – вновь спросила Саманта в надежде получить таки ответ.

– Думаешь, для ареста мне понадобилось бы столько на-

роду? – улыбнулся Лукас.

– В прошлый раз понадобилась целая армия, – не осталась в долгу Сэм.

Некоторые из сопровождающих Лукаса и прежде избегали ее внимательного взгляда, теперь и остальные отвернулись, обнаружив что-то крайне занимательное в пляске огня или в темнеющем небе. На лицах мужчин ходили желваки. Тени, которые должны были скрывать неловкость, лишь подчеркивали ее.

– Вы наверное не помните нас, но мы вас не забыли, – тихо, будто выдавливая из себя слова, заговорил мужчина, имени которого Саманта, как ни старалась, не могла вспомнить. А может и вовсе никогда не знала.

Высокий и жилистый, он был облачен в одежды вельможи, но выправка, прямой уверенный взгляд и шрам, рассекающий край губ и подбородок, выдавали бывшего военного.

Саманта долго всматривалась в его лицо, прежде чем наконец поняла, кто перед ней.

– Еще бы вы забыли девицу, которой едва не свернули шею, когда она напророчила вам – одному из лучших гвардейцев – место секретаря, – улыбнулась Саманта.

Напряжение ослабло, но не до конца.

– Так что же вам нужно? Пришли закончить начатое? – спросила она в третий раз.

– Вовсе нет. Вы оказались правы, номахис. Я теперь секретарь законодательного собрания, – бывший гвардеец скло-

нил голову, признавая поражение. – Мы пришли просить вашего благословения.

Сэм разом посерьезнела.

– Благословения хаоситки? Мало вам что ли проблем, которые начнутся после отставки Рихарда? – отметила она, с недоверием разглядывая тех, кто стоял вокруг.

Уста богини надеялась, что это нелепая шутка, но мужчины оставались серьезны. Один из них выступил вперед из-за спин товарищей. Сэм не видела его лица в густой тени, но шагал он по-военному четко.

– Нам нужно благословение не хаоситки, а ваше, – заявил он, ставя Сэм в тупик.

– Вам не кажется, что просить благословения света Деметера поздновато? – уточнила она, осматриваясь. – Что вы хотите от меня услышать?

– Да что угодно! – выкрикнул кто-то слева от Саманты. – Жерома вы тогда в бездну послали, а он возьми да и стань через год начальником заставы – той, что в низине на юге!

Мужчины грянули дружным хохотом, и Сэм к ним присоединилась. Жерома она помнила: сопливый юнец заявил ей, что готов взять такую красавицу в жены, хоть бы она переспала даже с целым полком.

– Вряд ли я причастна к его сомнительным успехам, – отсмеявшись, ответила Сэм.

Мужчина со шрамом собирался что-то возразить, но вдруг все, кто ее окружал, замерли и вытянулись. Саманте

не нужно было оборачиваться, чтобы догадаться, что встал за ее спиной.

– Добрый вечер, Ваша Светлость. Надеюсь, вам нравится ужин.

– Вечер действительно добрый, номахис. И станет еще добрее, если вы окажете моим людям милость, о которой они просят, – ответил Рихард, и Сэм почувствовала, как его дыхание щекочет ее волосы.

“Слишком близко”.

Оборачиваться она не решилась, только на миг сжала пальцы в кулак, но тут же расслабила руку.

– Простите, но я все никак не пойму, о какой милости они говорят, – продолжила упираться она.

Не из вредности, а лишь потому, что впервые за много лет не могла придумать подходящих слов.

– Все они уверены, что именно вы принесли удачу герцогству Нейдв, – пояснил Рихард, и в его напряженном тоне Сэм расслышала улыбку.

– В самом деле? – она окинула собеседников удивленным взглядом, некоторые смущенно кивнули. – Раз так, я не могу отказать.

Когда Лукас, а вслед за ним и остальные мужчины один за одним преклонили перед ней колено, Сэм выпрямилась и замерла. На миг ею овладело оцепенение, но оно спало, как только Уста богини ощутила легкое прикосновение к спине. Настолько невесомое, что казалось, будто линию вдоль

ее позвоночника почти до самой шеи провел осенний ветер, а вовсе не пальцы мужчины.

– Хотела бы я пожелать, чтобы каждый из тех, кто стоит здесь, получил по заслугам, – пальцы Рихарда на ее спине дрогнули, а потом их тепло сменилось прохладой вечера. – Однако это прерогатива жрицы порядка. Хаос уже благословил. Теперь дело за вами.

Ложных надежд она никому из них давать не собиралась. Однако разочарованными ее просители не выглядели: поднялись и, откланявшись, ретировались так быстро, как позволяли приличия.

– Благодарю, номахис, – шепнул Рихард за ее спиной, и его голос дрогнул.

Саманта по-прежнему не желала поворачиваться, примарх не спешил уходить.

– Скажите, почему вы решили устроить именно такой ужин? – наконец спросил он, на этот раз показательно-светским тоном.

– Хотела напомнить вам о том, кто вы есть, – не стала лукавить Сэм и резко обернулась.

Рихард смотрел на нее прямо, расправив плечи и заложив руки за спину. Поза могла показаться уверенной, но Уста богини видела, что его тело натянуто, как струна.

Предыстория 2

Десять лет назад

Ночь под стенами Деметера

Генерал выполнил ее приказ, и теперь Саманта шагала от потайного лаза в основании внешней городской стены, чувствуя, как в спину ей упирается взгляд мужчины, проводившего ее наружу.

Перед тем, как она вышла из бесконечно-длинного коридора, генерал опустился перед ней на колени, прося благословения. Она согласилась, искренне полагая, что делает это в последний раз.

Армия Нейдва стояла достаточно далеко, чтобы не опасаться стрел арбалетчиков с городской стены. Поэтому Саманте пришлось долго идти по дороге, убегаящей от городских ворот в низину просторного плато, откуда доносился тихий шум и где блесстел свет небольших костров.

Ночь стояла безлунная, и черный плащ скрывал ее белый наряд. Саманта сбросила его лишь в тот момент, когда достигла поста часовых. Мужчины сидели на земле и тихо переговаривались. Они знали, что войск в городе слишком мало и номарх не выведет их на открытое поле. Гостей они не ждали, и потому изрядно удивились, когда прямо перед ними из темноты возникла женщина с белыми волосами и в белом одеянии послушницы храма порядка.

– Я – номахис Саманта Деметер. Желаю говорить с Его Светлостью Рихардом Нейдвом, – сказала она, глядя прямо на мужчин.

Видела, как страх в их душах сменяется удивлением, потом – облегчением. Один из них тут же убежал, чтобы доложить о госте. Пока он искал герцога, все больше и больше взглядов устремлялось на Саманту.

Она читала в душах людей любопытство, недоумение, даже легкий страх оттого, что ее бледная кожа, белые волосы и светлые одежды так напоминали легенды о призраках.

Издалека послышался приказ, отданный сильным, но уставшим голосом. Саманта не расслышала его, увлекшись разглядыванием человеческих душ, но вскоре догадалась о его содержании: солдаты выстроились в два ряда, образуя коридор, на другом конце которого стоял, заложив руки за спину, мужчина.

К послушнице подошел еще один незнакомец с факелом и поклонился.

– Прошу за мной, номахис Деметер, – сказал он и направился вперед по живому коридору.

Саманта последовала за ним, взяв чуть левее: так, чтобы не прятаться за спину провожатого. Весь путь сквозь лагерь, который показался бесконечно-долгим, она не могла оторвать взгляд от герцога. Ее ноги подкашивались, спина онемела от того, насколько прямо Саманта держалась. Она сжимала пальцами просторный рукав, одергивала себя, на

миг расслабляла руку и тут же сжимала ткань вновь.

Пробираясь до лагеря герцогского войска, она уже успела нарисовать в своем воображении портрет того, кто жаждет ее силы: человека с жестким взглядом и душой, зачерствевшей в погоне за властью. Но оказалась права едва ли на треть.

Взгляд герцога Нейдва действительно оказался жестким и холодным, но его душа сверкала под ее взглядом, как лезвие благородного клинка в свете полуденного солнца. Прежде она никогда не видела таких людей: смотреть на него было больно, отвести взгляд – невозможно.

Саманта не знала, чувствует ли разочарование или облегчение.

“Как минимум, он выполнит условия сделки, какими бы они ни были. И сделает мою смерть настолько безболезненной и легкой, насколько это возможно”.

Когда она наконец преодолела бесконечный коридор из гвардейцев, Рихард, сообразно статусу, первым поклонился ей. Саманта ответила лишь легким вежливым кивком и снова вздернула голову, рассматривая герцога.

Она видела мужчин и красивее, и уродливее. Сами по себе ей не были в новинку ни густые брови вразлет, ни спокойные серые глаза, ни прямой нос почти без впадины на переносице, который в ее городе называли сицийским, ни тяжелая линия подбородка. Но впервые она видела человека, так похожего на статуи паладинов, которые, как гласили легенды, прежде защищали послушниц порядка.

– Рад приветствовать вас в своем лагере, номахис Деметер. Надеюсь, вы добрались благополучно, – церемонно произнес Рихард, подавая Саманте руку.

В устах любого другого эта фраза прозвучала бы как издевка. Но сказанная его тоном, будто пыталась подарить спокойствие. Тщетно.

– Благодарю, я добралась без трудностей. И желаю знать, зачем вы хотели видеть меня, – не менее церемонно ответила Саманта, но сжала таки рукав балахона вновь, чтобы не опустить взгляд.

Ее сердце то замирало, то билось как у испуганной птицы, но она не могла позволить себе показать этого. Ответ она знала – ничего ценного, кроме дара, в ней не было – но все равно хотела услышать.

– Прежде чем говорить о делах, позвольте угостить вас ужином, – Рихард вдруг улыбнулся, и его лицо на миг перестало быть суровым.

У Саманты выбило воздух из легких: так не вязалась эта улыбка с тем, что происходило.

– Глупо кормить того, кто не доживет до рассвета, – холодно ответила она, смерив герцога презрительным взглядом.

Она пришла, чтобы спасти город, но не собиралась допускать над собой насмешек. К тому же, с каждой минутой этого странного разговора ее решимость таяла, ноги слабели все сильнее. Она хотела исполнить свой долг, сохранив достоинство, и времени для этого оставалось все меньше.

– Может быть, – не стал спорить Рихард. – И все же позвольте мне совершить эту глупость.

На протяжении всего их разговора он стоял в полупоклоне и продолжал протягивать Саманте руку, будто просящий подаюня бедняк. Стало ясно, что он не отступит.

Послушница вложила свою руку в его широкую, грубоватую ладонь, и пальцы Рихарда тут же сжались. Мягко, но настойчиво: если бы Саманта захотела вырваться, то уже не смогла бы.

Рихард провел ее в просторный шатер, который освещали несколько ламп. Посреди стоял стол, накрытый по-походному просто. За ним сидели двое мужчин, которые тут же поднялись, стоило Саманте первой пройти внутрь. Номакис сложила руки в привычном жесте приветствия и благословения.

Когда следом за ней пошел и герцог, отрезая путь к отступлению, тот из мужчин, что был ниже ростом и шире в плечах, толкнул высокого, сутуловатого и горбоносого товарища.

– А я говорил, что красotka придет, – улыбнулся он. – С тебя три золотых, Лукас.

Второй мужчина едва успел улыбнуться ему в ответ, но веселье обоих тут же завяло под суровым взглядом герцога.

– По-вашему, лишать жизни красавицу приятнее, чем дурнушку? – не удержалась от вопроса Саманта и иронично изогнула бровь.

Мужчины уставились на нее так, будто заговорила амбар-

ная мышь.

Саманта же испугалась и вернула лицу холодное выражение, но в следующий миг поняла: здесь, в самом центре вражеского лагеря, ее некому осадить. Никто и никогда уже не узнает, что перед лицом смерти она вела себя вовсе не как идеальная послушница.

“Я презрела волю отца. Я уже не свет”, – отчетливо осознала она.

Эта простая мысль всколыхнула в груди смесь горечи, странного, неправильного облегчения и огненного куража, свойственного человеку, который уже считает себя мертвецом.

– Убивать? – спросил Рихард, отодвигая для Саманты простой деревянный стул. – Боюсь, вы не так поняли. Я здесь лишь для того, чтобы получить ваши силы.

Сэм продолжала стоять, игнорируя молчаливое приглашение. Она хотела ответить, и впервые в жизни почувствовала, что больше не должна молчать.

– Разве одно не подразумевает второго? – уточнила она, внимательно глядя на мужчин.

Тот, кого называли Лукасом, фонил опасениями и постоянным напряжением, будто готовился к атаке даже сейчас. Второй сосредоточенно что-то обдумывал. Не впервые за девятнадцать лет жизни Саманта пожалела, что умеет читать лишь эмоции, но не мысли.

– Присядьте, номахис, и отужинайте с нами, – настойчиво

повторил Рихард, проигнорировав ее вопрос.

Послушнице пришлось сесть, и теперь она хотя бы не боялась, что подкосятся ноги. Но спину по-прежнему держала ровно. Слишком ровно.

Мужчины сели вслед за ней и на какое-то время над столом воцарилась тишина. Впрочем, едва ли кто-то из четверых участников трапезы смог ею насладиться. Саманта и вообще почти не ела, ее взгляд то и дело соскальзывал на Рихарда.

– Что вас беспокоит, номахис? – спросил он, когда игнорировать ее стало невыносимо.

– Вы понимаете, какое бремя на себя берете? Чего бы вы не добились с помощью моих сил, вы всегда будете помнить, что это не ваше достижение. И рано или поздно вы все их погубите, – напрямую задала она вопрос, который ее и впрямь интересовал.

Кто угодно забыл бы, но не он. С его душой-клинком это было невозможно.

– Понимаю, – спокойно кивнул Рихард. – Но не могу этого не сделать. Так же, как вы не могли не выйти ко мне.

Он никогда прежде не видел таких женщин, хоть повидал достаточно послушниц храмов и монастырей порядка. Ее широко распахнутые зеленые глаза должны были дарить весеннюю легкость, но взгляд оставался тяжелым, как справедливый приговор верховного судьи. Изящные линии бледного лица и тонкого тела напоминали о прекрасном хрупком

цветке, но прямая спина, вздернутый подбородок и уверенные движения – о несокрушимой белой башне, устремленной в небеса.

Рихард опасался, что номахис Деметер не понравится ему в достаточной мере, чтобы провести ритуал без зелий. Но еще в тот момент, когда она приблизилась к нему из темноты, окутанная белой одеждой и пляшущим светом факела, ему захотелось сдернуть эту холодную красавицу с вершины ее порядка, заставить ее выгнуть прямую спину в порыве наслаждения и сорвать стон удовольствия с сухо поджатых губ. Рихард презирал себя за это слишком сильное, почти неестественное желание, но отмахнуться от него не мог.

Но сейчас он сидел, сжимая рукоять столового ножа, встречал прямой взгляд Саманты и не знал, как сказать о том, через что ей предстоит пройти.

Номахис Деметер кивнула, принимая его ответ.

– В таком случае расскажите, каким образом вы собираетесь получить мои силы? – спросила она, разрезая кусок мяса с такой уверенностью, будто представляла, что на блюде – его голова.

– Вы проведете со мной ночь. Как женщина с мужчиной. От вас больше ничего не требуется, – не стал больше тянуть Рихард.

Номахис выронила вилку, та глухо звякнула, упав на деревянный стол, но Саманта этого даже не заметила. Маска равнодушия, которую она держала на лице с момента их встре-

чи, впервые дала трещину. Зеленые глаза сверкнули гневом, затем страхом, губы скривились в гримасе отвращения.

– Другого способа нет? – сдавленно просипела она.

– Увы, – покачал головой Рихард, наблюдая, как дыхание Саманты учащается, и как испуганный взгляд становится пустым.

– Нет, – выдохнула она и поднялась из-за стола, вздернув подбородок.

Рихард вздохнул и отложил приборы. Мужчины поднялись вслед за номахис, и герцог, заметив, что его подчиненные вопросительно смотрят на него, вскинул руку, призывая их помолчать.

– Давайте не будем усложнять ситуацию, номахис Деметер. Вы пришли, чтобы спасти свой город, и я готов уйти от его стен, как только получу ваши силы. Вы же сможете вернуться домой. Все останутся целы и невредимы. От вас требуется лишь...

– Лишиться чести, дара, веры и семьи. И продолжать жить с этим, – язвительно перебила она и стиснула зубы так, что на скулах проступили красные пятна.

Ее глаза заблестели от слез, во взгляде горело зеленое пламя мучительной внутренней борьбы, но даже в этот момент спина оставалась прямой, а подбородок – вздернутым.

Рихард ждал и боролся с растущим желанием протянуть руку и стереть с ее щеки одинокую слезинку.

– Я не могу пойти на это добровольно, – наконец выдох-

нула Саманта.

– Вы уже пошли, номахис, – Рихард отвел взгляд и повернулся к подчиненным. – Свяжите ее, доставьте в мой шатер.

Глава 13

Столичный дворец примарха

– Напомнить? Я не забываю об этом ни на миг. Тщетные усилия.

– Тщетные?

Саманта вздернула брови в показательном удивлении. Испытующе осмотрела напряженную позу, заложенные за спину руки и прямой взгляд. Она ждала, когда эта стена даст трещину, и дождалась: уголки губ Рихарда дрогнули. Уста богини широко улыбнулась.

– Тебе больно, Рид? – спросила она.

Рихард ответил столь же долгим и испытующим взглядом, который Саманта выдержала, не опустив головы. Только ресницы ее дрожали в такт неровному дыханию. Затем примарх развернулся и ушел обратно к толпе.

Многие гвардейцы примарха в этот вечер покидали пост, чтобы преклонить колено перед хаоситкой. Придворные – из тех, кто составлял постоянный штат дворца, жил тут при прежних примархах и продолжит жить при следующих – замечали это. Некоторые смотрели с любопытством, но большинство кривились и отводили взгляды.

Когда очередной гвардеец поднялся и, тихо поблагодарив, вернулся на место, Веронике, которую Сэм не заметила, тронула ее за рукав.

– Почему? – спросила она, глядя широко распахнутыми глазами с искренним недоумением.

– Если хотите, чтобы я ответила на ваш вопрос, послушница, выражайтесь яснее, – отчеканила Саманта.

– Почему они просят – это их дело. Но почему вы соглашаетесь? Вы навлекаете гнев на себя и наводите тень на репутацию Его Светлости, – пояснила Веронике, комкая ткань балахона, и наклонившись к Саманте ближе. – Ходят слухи, что непобедимое войско кровавого императора-тирана лично благословляла на бой его жена, нареченная дочь хаоса.

Саманта улыбнулась. Она знала эту легенду. Ни в одной книге ее не было, но среди молодых и не в меру романтических послушниц обоих храмов она ходила из уст в уста как красивая история любви между жестоким королем и гордой жрицей. В той версии, которую слышала Уста богини, сердце кровавого тирана могла растопить только Дочь хаоса.

Уста богини покосилась на придворных, и все, кто ловил на себе ее равнодушный взгляд, спешили смешаться с толпой.

– Лицемеры. Они будут кривиться при встрече, но за снотворным, болеутоляющим, противозачаточным или ядом побегут точно не в храм порядка, – честно ответила Саманта, зная, что и этот удар прозвучит жестоко.

Веронике ахнула, ее губы задрожали.

– Как вы можете говорить здесь об этих мерзких, противоестественных вещах? – шепотом спросила она и огляну-

лась, будто боялась, что кто-то уличит ее в этом разговоре.

Саманта лишь вздохнула и пожала плечами.

“Была ли я в самом деле такой же наивной?” – подумала она, но тут же выбросила мысль из головы, заведя подруг.

Остаток ужина прошел спокойно, и как только все завершилось, Саманта, Бьянка, Мириам и еще несколько девушек, которых заинтересовала идея нормально поесть хотя бы раз за время отбора, скрылись в дальнем полупустом складе за кухней.

Среди тех, кто решил продолжить ужин в камерной обстановке, оказались не только Паула и Веронике, но и герцогиня Притор. Она и взяла на себя командование над остальными, кто накрывал их маленький стол.

– Я покажу, как должен был выглядеть приличный ужин, – пояснила Лилианна, вздернув нос.

– Сомневаюсь, что ужин в компании подвыпивших хаоситок, которые устали от придворного этикета, будет приличным, – ответила Саманта, но позволила перехватить бразды правления.

Бьянка принесла из своей спальни лютню. Даже Мириам с Самантой не знали, где она ее достала или какими угрозами выторговала, но порадовались, что вечер не пройдет в тишине. Все предвкушали приятный отдых.

– Вино пропало! Будь прокляты повара, я же лично его сюда запрятала! – выругалась Мириам, выныривая из-за ящиков. – Сэмми, ты же уверяла, что обо всем договорилась!

Мириам уставилась на Саманту, уперев кулаки в бока. Уста богини смотрела на подругу в ответ, но убедившись, что делиться личными запасами, припрятанными в спальне, та ни за что не согласится, отвела взгляд первой.

– Странно, – пробормотала она, оглядываясь. – Это не похоже на Рона. Может, бутылки просто убрали в другое место? Осмотритесь пока, а я поищу повара, если он еще не ушел.

Саманта покинула встревоженных девиц, миновала несколько подсобок и вышла наконец на кухню. Там она действительно застала Рона в тот момент, когда он передавал Рихарду большую корзину. Под тканью, скрывавшей ее содержимое, угадывались горлышки бутылок.

Заметив хаоситку, повар развел руками и виновато улыбнулся. Сэм кивнула ему, давая понять, что не злится, и перевела взгляд на Рихарда. Он пришел не один: за его спиной маячили Лукас, Фридолин и еще несколько молодых придворных.

Саманта при виде мужчин нахмурилась, но губы ее невольно растянулись в усмешке.

Лукас, оглядев корзину, тихо присвистнул.

– Солдиный запас. Хотел бы я познакомиться с той, кто его сделал, – хохотнул он.

– Попробуй, – пожала плечами Саманта. – Разумеется, если Его Светлость пришел, чтобы разделить с дамами еще одну трапезу.

– Я здесь именно для этого, номахис, – кивнул Рихард, взвешивая корзину в руке.

Уста богини отступила от черного входа в кухню, признавая поражение. Приди Рихард в одиночку или только с ближайшими соратниками, она не постеснялась бы выставить его за дверь. Или хотя бы попытаться. Но в его свите стояли и те, при ком она не хотела опускаться до банального скандала.

– Что ж, прошу, Ваша Светлость. Осчастливьте невест своим появлением, – ядовито пропела она и замерла.

Рихард прошел в дверь первым, за ним потянулись и остальные. Люди из его свиты невольно поглядывали на Саманту. Ее холодное лицо и прямая спина совершенно ничего не выражали, но проходя мимо нее, мужчины невольно вжимали головы в плечи.

Фридолин шел последним. Остановившись возле Саманты, он неодобрительно покачал головой.

– Такое чувство, будто я третий лишний в супружеской спальне, – прошептал он, нахмурившись.

– Вы все тут лишние, – ответила Саманта и двинулась вслед за ним.

Девушки встретили появление примарха потрясенным молчанием. Он что-то неубедительно и без вдохновения врал о том, что не мог заставить компанию таких прелестных дам скучать в одиночестве и лишать их веселья, но Уста богини не вслушивалась. Прекрасно понимала – он пришел лишь затем, чтобы помозолить ей глаза. Так же, как она де-

лала это в последние несколько дней.

К тому моменту, когда Саманта вошла в ставшую совсем тесной подсобку, только Лилианна кое-как справилась с эмоциями и раскланивалась Рихарду, что-то отвечая на его вежливое приветствие.

Мириам с облегчением смотрела на корзину, Бьянка отошла в тень и скрестила руки на груди, Веронике замерла рядом с ней, испуганно выпучив глаза. Паула и еще несколько девушек вскоре включились в вежливую игру с приветствиями, и Саманта не мешала им, досадливо оглядывая стол и гостей.

То, что обещало быть веселой пирушкой, превратилось в еще один раунд светского ужина: те из аристократок, кто это умел, поддерживали светскую беседу. Остальные, в том числе и Саманта, оказались вынуждены держать спину прямо, выбирать правильные вилки и улыбаться, мучительно решая, в какой момент будет уместно вставить нейтральный комментарий.

Когда вино, запущенный вид комнаты и полумрак наконец начали понемногу расслаблять собравшихся, Сэм подхватила со стола бокал и ускользнула за баррикаду из ящиков, скрываясь от чужих глаз. Прежде чем исчезнуть в тени, она поймала тяжелый взгляд Рихарда, который сидел за столом так же прямо и механически, как до этого стоял на празднике.

Она устроилась на пыльном мешке, не щадя дорогую

ткань балахона, оперлась спиной на холодную каменную стену и прикрыла глаза. Не открыла их, когда рядом послышались шаги, когда стукнула о дерево ящика сначала тяжелая тарелка, потом бутылка. Посмотрела вниз лишь в тот момент, когда зашуршала ткань одежды.

Рихард опустился на пол рядом с ее ногами, но не касаясь их даже краем одежды. Предплечьем руки, в которой сжимал свой бокал, он уперся в согнутое колено. Теперь оба смотрели в темноту напротив.

Сэм пару раз сжала и разжала ножку бокала, покосилась на тарелку с нарезкой из мяса и сыра.

– Ты все еще совсем худая, Сэм. В монастыре матери хаоса тоже есть пищевые аскезы? – спросил Рихард, чтобы разбавить тишину.

– Нет. Умеренность в еде поощряется, но морить себя голодом считается глупостью, – ответила она.

Саманта склонила голову к плечу, глядя на его каштановые волосы, которые в полумраке комнаты казались почти черными. Будто невзначай двинула ногой, касаясь его плеча, но слои плотной ткани ее балахона и его мундира сделали жест почти бессмысленным.

Рихард откинул голову на мешок и прикрыл глаза.

“Пара сантиметров правее – и лежал бы у меня на коленях”, – отметила Сэм по смешанным чувствами, но без явного отвращения. – “Буду считать, что проверка прошла успешно”.

– Я тебя не звала, – бросила она, отводя взгляд.

– Разве я когда-нибудь отзывался на твое приглашение? Кажется, наоборот, это я звал тебя, – ответил он и пригубил вино из бокала.

– Зачем – на этот раз? – спросила Сэм, хотя вновь знала ответ.

– Чтобы сбылось еще одно твое пророчество.

Не открывая глаз, Рихард повернул голову и уткнулся лбом в ее колено. Рвано выдохнул, его пальцы побелели на мутно блестящем в темноте бокале. По стеклу побежала тонкая трещина.

– И как далеко ты хочешь, чтобы я зашла? – уточнила Саманта, вновь слегка двинув ногой.

Рихард, опомнившись, посмотрел на руки и не без усилия разжал пальцы.

– Так далеко, как только можешь.

– А если я не хочу заходить так далеко?

– Я тебя заставлю.

Раздался тихий хруст, и Рихард оставил в сторону сломанный бокал. Стряхнул в ладони стеклянное крошево и капли вина, выругался сквозь стиснутые зубы.

– Фи, что за выражения в присутствии дамы? – усмехнулась Саманта, но веселье вышло нервным.

– Исключительно те, которым я научился у самой дамы, – не остался в долгу Рихард.

И оба вновь замолчали, прислушиваясь к мягкому пере-

бору струн лютни.

Никто из них двоих не хотел покидать маленькое укрытие и разрушать едва зародившееся веселье остальных. Саманта глядела в ночь, наслаждаясь простой и веселой песней. Даже обычные баллады, спетые низким с хрипотцой голосом Бьянки обретали особенную глубину, в которой многие то-нули, как в темном омуте.

Рихард отпил вина прямо из горла бутылки и потянулся к тарелке с сыром. Теперь Саманта узнавала его куда лучше, чем во время прежних встреч. Усталое лицо, непослушные волосы, руки с широкими запястьями и длинными пальцами, и даже в моменты отдыха – выражение непреклонной решимости на лице. Решимости человека, который каждое мгновение жизни знает, что должен сделать.

Глядя на уверенный профиль Примарха, Уста богини сжала зубы в предвкушении. Теперь и она ясно поняла, какой должна стать ее месть.

Ни один из них больше не проронил за вечер ни слова. Из-за ящиков доносились тихие разговоры, кто-то танцевал, кто-то смеялся, и Саманта, убаюканная этими звуками, прикрыла глаза. Она надеялась, что Рихард хотя бы толкнет ее, когда компания будет раходиться, но он задремал вместе с ней.

Глава 14

– Сэм, поднимайся.

Рихард тряс Саманту за плечо, но она только отмахивалась и морщилась. Нахмуренные брови намекали, что сон не казался ей приятным, но и вырываться из его хватки она не спешила.

– Сэм... – Рихард потряс сильнее.

– Вчера ты будил меня куда нежнее. Случилось что-то? Войска Деметера на хвост сели? – проворчала Уста бониги, все еще не открывая глаз.

– Сэм!

Саманта вздрогнула, выпрямилась и открыла глаза. Осмотрела Рона, который старательно прятал усмешку, и ошарашенного помощника повара, который таращился то на Рихарда, то на нее.

Осознав, что происходит, Уста богини прикрыла глаза ладонью и глухо рассмеялась.

– Кыш отсюда, – шикнул на помощника повар и мальчишка исчез за дверью. – Боюсь спрашивать, что вы тут вчера делали.

– Отлично вздремнули, не видно что ли? – предложила ворчать Сэм, и вопреки собственным словам зашипела, разминая рукой затекшую шею.

Рон с сомнением посмотрел на опустевшую бутылку, за-

тем на осколки стекла на полу.

– Свободен, – бросил за спину Рихард, и Рон понятоливо скрылся за ящиками.

Саманта поднялась и с наслаждением потянулась.

– Слухи пойдут, особенно после моего неосторожного “вчера”, – улыбнулась она, глядя в ту сторону, в которой скрылся слуга.

– Это было десять лет назад, – холодно напомнил Рихард, поправляя воротник и одергивая полы помятой одежды.

– Кто, кроме нас, об этом знает? Ты, конечно, можешь собрать весь дворец и подробно объяснить, что, когда и в каком порядке между нами было, но сомневаюсь, что это улучшит твою репутацию, – уже откровенно насмеялась она.

Настроение Сэм улучшалось с каждой минутой осознания. Она не планировала того, что произошло, но вышло по ее мнению крайне забавно. Она даже мысленно вознесла короткую молитву хаосу, хоть эта сила в благодарности и не нуждалась.

Рихард выдохнул сквозь стиснутые зубы и отвернулся. Как только он направился к двери, Саманта тут же шагнула следом. И в кухню, где уже вовсю суетились слуги, они вышли вдвоем. А затем направились к коридору под градом ошарашенных взглядов. Сэм потягивалась и довольно улыбалась, примарх, как ему и полагалось, оставался совершенно невозмутим и страдал взглядом до икоты любого, кому хватало наглости пялиться на него слишком долго.

В коридоре они, старательно не глядя друг на друга, разошлись в разные стороны. Сэм, предвкушая скандал и чувствуя, что глаза по-прежнему слипаются, планировала вздремнуть еще немного: сегодняшний день Даниэлла объявила свободным. Но проходя мимо комнаты Мириам, услышала такую забористую ругань, что невольно присвистнула и тут же без стука толкнула дверь.

– Этот проходимец у меня еще попляшет, – ворчала Мириам, шагая взад-вперед по комнате и нервно наматывая на палец прядь волос, выбившуюся из косы.

– Что случилось? – спросила Саманта, осознав, что подруга ее даже не заметила.

Мириам резко остановилась и сверкнула разъяренным взглядом. Сэм отметила, что впервые за много лет видит подругу такой взвинченной.

– Случился Лукас Филч. Откуда он узнал, что у меня в спальне есть еще бутылки? Уж не ты ли ему рассказала? Слишком вы дружелюбно друг другу скалились еще с тех пор, как мы въехали в город.

Саманта покачала головой и опустилась в ближайшее кресло.

– Не в моих интересах лишать тебя запасов, со мной-то ты поделилась бы. Лукас просто не дурак, вот и все.

– Не дурак, как же! Он мне вчера поставил ультиматум: или я ужинаю с ним сегодня же вечером, или он все конфискует! – Пиритовый блест уперла кулаки в бока и прошипела

сквозь зубы еще несколько забористых ругательств.

– А сколько у тебя бутылок? – любопытствовала Сэм, оглядывая комнату, так похожую на ее собственную.

– Десять, – процедила сквозь зубы Мириам и села рядом. – Шикарного южного, между прочим.

– Так подели с ним одну, – легкомысленно пожала плечами Сэм. – Сбережешь девять.

– С этим сутулым лисом? Ни за что! Ты его нос видела? Да он же на стервятника похож! И волосы эти черные, – Мириам зябко дернула плечами. – И вообще, я может и мошенница, но не куртизанка.

Саманта вздохнула и прикрыла слипающиеся глаза.

– Думать о людях хуже, чем они есть – моя прерогатива, так что не отнимай мой хлеб. Лукас шутник еще тот, но не подлец: раз сказал, что хочет поужинать, значит, поужинаете. Если конечно ты сама не захочешь большего, – улыбнулась Сэм.

Злость подруги наводила ее на подозрения, озвучивать которые она конечно же не стала.

Мириам вздохнула и принялась трепать кончик косы. Пожевала губами и вздохнула снова.

– Может, ты и права. У меня останется по крайней мере девять бутылок. Ну... может восемь, с учетом того, как лихо он опрокидывал вчера бокалы, – наконец проворчала она. – Кстати, про вчера. Куда вы с Рихардом делись?

Ответить Саманта не успела: в комнату ворвалась Бьянка

с не менее забористой руганью.

– Мириам, ты не поверишь, о чем болтают сегодня на кухне. Я Саманту собственными руками придушу!

Столкнувшись с двумя любопытными взглядами, Бьянка подавилась воздухом и замолчала.

– Не смотри на меня так, Сэм. Просто скажи, что вы не переспали, – прикрыв глаза, выдохнула Щит веры.

– Мы спасли вместе, – широко улыбнулась Саманта, прежде чем Мириам успела что-нибудь спросить.

Обе подруги уставились на нее, и Уста богини несколько секунд наслаждалась их шоком, прежде чем пояснить.

– Но не в том смысле, в котором поняли это на кухне. Просто задремали рядом, вот и все.

И наконец расхохоталась, и комнату наполнил крик чайки вперемешку с горечью. Служанка, которая заглянула было в дверь, испуганно ахнула и исчезла в коридоре.

Мириам облегченно выдохнула, Бьянка едва не зарычала, но сдержала очередную волну ругани. Подошла к креслу Саманты и села на широкий подлокотник. Теперь, когда она оказалась так близко, Уста богини заметила, как осунулось за прошедшие несколько дней ее лицо.

– Я тебя не понимаю, Сэмми. Если бы ты попросила меня вмуровать его в стену и наслаждалась тем, как он задыхается, пока камни сковывают его грудь... если бы ты попросила меня убить его, если бы убила сама – тогда бы я поняла. Я бы исполнила любую твою просьбу, я готова защищать тебя,

что бы ни случилось, но сейчас – я не могу. Почему ты так спокойна, Сэм? Как ты так можешь?

Уста богини отвела взгляд и промолчала, поджав губы. Бьянка схватила ее за плечо и встряхнула.

– Тебе же больно, Сэм, и не делай вид, что это не так. Зачем мучать себя? Хочешь, уедем отсюда? Я утоплю Даниэлла в пол по щиколотки, и нас выставят за нарушение правил. Штраф заплатим – не проблема. Я за прошлые три дня столько зелий продала, что полгода пировать можно. Отдохнем, по столице погуляем, и вернемся в монастырь в срок. Хочешь?

Щит веры взглянула в помутневшие глаза подруги и замолчала. Зажмурилась и уткнулась носом в блестящие волосы подруги.

– Прости, Бьянка. Ты можешь уехать, если устала, – глухо ответила Саманта.

Щит веры помотала головой, отчего волосы Сэм растрепались.

– Мы тебя не бросим, – ответила вместо нее Мириам. – Даже не проси.

Саманта откинулась на спинку кресла и медленно выдохнула. Так она и задремала почти до самого вечера. Проснулась лишь для того, чтобы перебравшись в свою спальню, снова провалиться в тревожный сон.

На следующее утро Даниэлла приказала конкурсанткам явиться в гостиную с самого утра.

Саманта припозднилась, и когда вошла в заполненный дамами зал, сразу ощутила общее недовольство, центром которого стала, как только все заметили ее. Гордо вздернув голову, она прошла к облюбованному с момента прибытия в замок окну, к подругам.

Стоило ей вспорхнуть на подоконник, как вперед выступила Лилианна Притор. Она нервно поджимала губы и мелко обмахивалась веером.

– Это возмутительно! – припечатала она, и остальные закивали в знак солидарности.

– Что именно? – уточнила Саманта, потому что герцогиня смотрела прямо на нее.

– Слухи вокруг вас и примарха. Это просто невыносимо! Такого не должно быть в приличном обществе! – то краснея, то бледнея, пояснила она. – Воспитание не позволяет мне произнести вслух все то, что я слышала от горничной.

– Что ж, если ваше воспитание мешает вам называть вещи своими именами, так и быть, я помогу: вы о слухах, что я якобы провела ночь с Его Светлостью? – спросила Саманта с легкой улыбкой.

Дамы синхронно ахнули, кто-то из аристократок картинно обмяк в кресле, закатив глаза. Лица послушниц монастыря порядка остались такими же постными, как и в начале разговора, но во взглядах читалось явное неодобрение. Особенно неистово сверкали глаза Веронике, и Саманта заставила себя отвернуться от белых мантий.

– Поверье, мне эти слухи тоже кажутся возмутительными, – посерьезнела она, но подруги, знавшие Уста богини много лет, слышали в ее тоне отчетливые ноты сарказма. – Однако куда сильнее меня возмущает ваша реакция, дамы.

Под ее укоризненным взглядом девицы замерли, лица некоторых, и без того розовые, откровенно покраснели.

– Меня возмущает, что вы так легко поверили в глупую сплетню, которую – как удобно – твердят все слуги, как один. И даже в деталях наверняка не расходятся, – Саманта говорила совершенно серьезно, только кончики ее губ едва заметно подрагивали. – Хватило всего пары слов, и вы уже убеждены, что Его Светлость мог вас так оскорбить! Нужны ли ему такие невесты?

И замолчала, позволяя смущенным умам собеседниц переваривать ее слова.

В ожидании леди Энкандер ее никто больше не осмелился ни в чем упрекнуть. Однако к моменту прихода придворной дамы все стояли и сидели, погруженные в размышления.

Даниэлла смерила Саманту высокомерным взглядом, в котором Уста богини без труда прочла обещания неприятностей. Затем леди показательно отвернулась и остаток беседы не смотрела на хаоситок вовсе.

– Благодарю вас за прекрасные столы, дамы, – начала она, усаживаясь в кресло. – Победительниц объявят позднее, после подсчета голосов. Однако я надеюсь, вы понимаете, что супруга Его Светлости должна быть не только хорошей хо-

зайкой, но и обладать другими талантами. Их вы и покажете на сцене в театральном зале. Через три дня.

Дамы восхищенно вздохнули и тут же позабыли о недавнем разговоре, предвкушая вечер песен и поэзии. Только Саманта сидела, будто водой облитая, с кривой улыбкой на ледяном лице.

Бьянка похлопала ее по спине, но спустя несколько мгновений заметила, как забежавший взгляд подруги вдруг остановился и в нем мелькнула озорная искра. Все три хаоситки знали, что никакими особенными талантами Саманта не отличается, но и Мириам, и Бьянка поняли, что она что-то придумала и на этот раз. Однако, судя по кривой улыбке, идея не нравилась даже ей самой.

Глава 15

Заметив улыбку Саманты, Даниэлла Энкандер вдруг посмотрела на нее и широко улыбнулась в ответ.

– Это еще не все, дамы. Чтобы соревнование было честным, мы ввели несколько условий. Во-первых, во избежание предвзятости имя конкурсантки будут объявлять лишь после того, как она завершит выступление и получит оценки. Во-вторых, сцена будет затемнена, чтобы ни у одной из вас не возникло соблазна прельстить Его Светлость своим телом.

Придворная дама смотрела на Саманту прямо, ожидая увидеть признаки раздражения или разочарования, но Уста богини рассмеялась, и всем вокруг вдруг стало горько, хоть никто и не понимал, почему ее веселье так печалит.

– Какое чудное мнение у вас сложилось о невестах. Вы в самом деле полагаете, что дама, появившись у нее такое желание, не найдет другого времени, чтобы продемонстрировать Его Светлости свое декольте? – веселилась Сэм, не обращая внимания на возмущенные взгляды.

– Уверена, особенно сомнительные дамы еще и создадут для демонстрации подходящий антураж, – ничуть не смутилась Даниэлла. – Но помогать им в этом я не намерена.

Придворная дама поднялась, показывая, что разговор окончен, и удалилась под не стихающий смех Саманты. По-

сле того, как она покинула конкурсанток, остальные тоже сочли за лучшее удалиться.

– Что будете делать? – спросила Сэм у подруг, когда в просторном зале они остались втроем.

Бьянка пожала плечами.

– Сыграю что-нибудь на лютне, но не слишком мелодичное.

– Зачитаю какое-нибудь нудное место из наставлений для тех, кто вступает на путь хаоса, – улыбнулась Мириам. – А ты?

– Есть одна идея, но сначала мне надо убедиться, что я смогу достать все необходимое. И, Бьянка, подыграешь мне?

Щит веры лишь задумчиво вздохнула.

Когда подруги разошлись, Саманта вернулась в спальню и первым делом отправила горничную на кухню с запиской. Пока девушка ходила по поручению, она заглянула в гардероб и придирчиво осмотрела наряды. Только сейчас Сэм обратила внимание, что хотя все они пошиты из тканей темных цветов, ни одного черного среди них не оказалось. Зато нашлись те, которые очень сильно ей не нравились: слишком унылые коричневые и слишком светлые зеленые. И те, и другие покрывал плотный узор из серебристой ленты.

Саманта вытащила их в спальню и оставила пока на кровати. К этому времени горничная вернулась с большим подносом в руках. Сэм поручила ей раздобыть серебряные нитки, иглу и ножницы, а сама подняла клош и улыбнулась: Рон

прислал прекрасные пирожные, как она и просила.

Взяв поднос, Уста богини направилась к комнате герцогини Притор. Лилианна никак не могла помочь ей в создании выступления, но Саманта не хотела, чтобы Рихард заскучал в следующие три дня, пока она готовится. А может, наоборот, хотела, чтобы он умирал от скуки, дожидаясь новой встречи.

– Что вы здесь делаете? – спросила Лилианна, нахмурившись, когда горничная провела Саманту в гостиную.

Уста богини заговорила лишь после того, как служанка скрылась за дверью.

– Всего лишь хочу извиниться за беспокойство, которое доставляю вам и остальным дамам, вынужденно играя свою роль на этом отборе, – аккуратно пояснила Сэм и опустила на стол поднос.

– О! – глаза Притор округлились, как только она поняла смысл сказанного. – Конечно-конечно, не беспокойтесь, Уста богини. Я все понимаю, вас наверняка связывает долг.

Сэм извинилась улыбкой. За сделанное и за то, что собиралась сделать.

– Ничего не говорите, – замахала руками Лилианна. – Присядьте.

Послушница монастыря хаоса приняла приглашение и сняла клош с массивной тарелки.

– Угощайтесь, – она пододвинула поднос ближе к Лилианне и с удовольствием отметила, как заблестели ее глаза. – Я вижу, что доставляю много неудобств вам, как и другим

достойным конкурсанткам. И хотела бы немного отблагодарить вас за то, как великодушно вы меня терпите.

– В самом деле? – искренне удивилась Притор, разливая по чашкам ароматный чай. – Но ваше участие и само по себе благородно. Вы так отчаянно стремитесь выяснить, кто из нас достоин... Простите, я обещаю, впредь буду об этом молчать.

– Благодарю. И все же не могу остаться равнодушной. Может, вам кажется, что все хаоситки – чудовища, но увы, мы обычные женщины, и нам не чужды простые эмоции, – вздохнула Сэм и пригубила чаю.

Сладкого. Ей пришлось приложить усилия, чтобы не скривиться.

Минут десять Лилианна что-то обдумывала, не забывая воздать должное стараниям повара, и наконец решительно кивнула собственным мыслям.

– После того, как Его Светлость лично пришел на неформальный ужин, который вы организовали, причин сомневаться в вас у меня все меньше. Как бы там ни было, я выслушаю вас, – заявила она.

“Будто одолжение делает”, – подумала Сэм, но на лице ее мысль не отразилась.

– Еще раз благодарю. Боюсь, я не смогу оказать существенную помощь, но я очень заинтересована, чтобы Его Светлость получил то, что заслужил за минувшие десять лет. А потому хочу поделиться кое-какой информацией на его

счет с самыми достойными из дам, – мягко, нарочито растягивая слова, продолжила Сэм.

Лилианна польщенно зарделась, но не стала прерывать го-
стью.

– Герцог не похож на человека с тонкой душой, однако и у него есть свои тайны. Например, исключительная любовь к поэзии и живописи классического периода господства порядка.

– Напротив, я почему-то не удивлена. Должно ведь в душе такого серьезного человека оставаться место для любви к чему-то прекрасному, – Лилианна мечтательно закатила глаза и улыбнулась. – Я и сама подозревала в нем что-то подобное.

“Что ж, любовь к своего рода прекрасному Рихарду и правда не чужда”, – с улыбкой подумала Сэм, снова касаясь чашки с чаем только кончиками губ.

– Я знала, что вы все правильно поймете, поэтому пришла именно к вам, герцогиня. А еще я знаю, что вы достаточно благородны, чтобы не утаить эти знания от других достойных леди, – заговорщицки подмигнула она и поднялась. – Сама я их сообщить не могу: не все обладают столь же широким взглядом на мир и людей, как вы. Поэтому ради вашей же безопасности, лучше не упоминайте мое имя. Скажите, что узнали о пристрастиях примарха от слуг.

Лилианна вскочила вслед за ней.

– Не сомневайтесь, я не оставляю это преимущество лишь за собой, – кивнула она так уверенно, будто ей только что

поручили задачу государственной важности.

На столь пафосной ноте соперницы и распрощались. Саманта обдумывала план следующего визита, но та, кого она собиралась навестить, уже дожидалась в ее гостиной.

Увидев чинно сидящую на диване Веронике, Сэм мелко вздрогнула от неожиданности и несколько секунд заставляла себя просто смотреть на гостью в белой мантии.

– Простите, что пришла без приглашения, – заметив, что ей не рады, пробормотала Веронике, сжимая широкий рукав балахона. – Но я бы хотела с вами поговорить.

– Я вас слушаю, – Саманта постаралась улыбнуться и села на диван рядом с гостьей, утягивая ее за собой.

Веронике опустила голову и снова принялась мять ткань рукавов, уже и без того потрепанную. Саманта подавила желание поторопить девушку и просто ждала.

– Скажите, Уста богини... Как вы отказались от доктрины порядка? В чем была причина? – наконец спросила она пугливым полусшепотом.

Лицо Саманты окаменело.

– Если вы пришли лишь для того, чтобы разведывать и разносить сплетни, то прошу вас уйти, – холодно ответила она.

– Нет, простите! – тут же вскинулась Веронике, и даже руки подняла в жесте почти мольбы. – На самом деле я во-все не хотела выведывать ваши тайны. Просто, мне кажется, только вы можете понять мои сомнения. Вы ведь видели обе

стороны...

– Сомнения? – уточнила Сэм в надежде, что это направит Веронике в нужное русло.

– Да, – кивнула Веронике и в ее глазах заблестели слезы. – Порядок учит, что его жрицы и послушницы должны любить всех людей одинаково, но что, если один человек – не такой, как все. Что если при виде него сердце начинает биться чаще? Это значит, что мое падение уже началось?

“Ах вот оно что. Первое романтическое переживание у юной девы”, – с печальной улыбкой подумала Сэм, стараясь гнать собственные непрошенные воспоминания.

– Почему бы вам не поговорить об этом с сестрами по вере? – уточнила она, чтобы немного сбить градус напряжения.

– Они скажут, что я должна просто переждать. Постараться не видеться с этим человеком и со временем все забудется. Они сказали, что нет ничего превыше чистоты. Мне кажется, они меня совсем не поняли.

“Чисто логически – ее сестры правы. Но послушаться их совета, когда тебе девятнадцать? Невозможно”.

– Скажите, Уста богини, вам случалось чувствовать что-то такое? В те времена, когда вы еще...

Глава 16

– Случалось, – кивнула Сэм, милосердно освобождая Веронике от необходимости произносить неловкую правду. – Мы несколько раз тайно виделись с ним – только для того, чтобы поговорить. А потом мой отец узнал о наших встречах и убил его. Тогда я была уверена, что отец поступил жестоко, но правильно. Теперь я думаю, что тот мужчина мог стать моим спасением.

Вероние пораженно замерла, широко распахнув глаза.

– Хотите сказать, Дориан Деметер убил вашего возлюбленного, чтобы сохранить вашу чистоту? – уточнила она.

“Скорее чтобы не рисковать моей силой”, – мысленно возразила Сэм, но в ответ на слова Веронике кивнула.

– С тех пор прошло почти тринадцать лет, и сейчас мне кажется, что мое чувство не было серьезным. Но это не значит, что мне не жаль его жизни. Он был хорошим человеком: умирая от яда, убеждал меня, что так даже лучше. Что с небес он получит право любить меня, ни от кого не скрываясь. И что они все во мне находили?

Сэм вдруг замолчала, осознав, что исповедь получилась слишком длинной, и взглянула на Веронике. Та плакала, не скрываясь, и утирала нос рукавом мантии.

Уста богини поднялась и достала из комода платок. Послушница приняла его, пролепетала что-то вроде благодар-

ности и спрятала лицо в ткани.

– Это так ужасно! Представить не могу, что вы тогда пережили, – всхлипывала она.

Саманта в растерянности снова села рядом с ней и принялась гладить белые волосы.

– Прошло много лет, мне уже не так больно. А вашему... – она замялась, решив, что слово “возлюбленному” будет слишком откровенным.

– Ему ничего не угрожает, – кивнула Веронике. – Но что делать мне?

– Зависит от того, кто вызывает в вас такие чувства, – с сомнением протянула Сэм, замечая, что Веронике понемногу успокаивается и коря себя за излишнюю откровенность. – Достойный человек?

– Да, достойный, – кивнула гостья, промакивая щеки платком. – Даже... слишком достойный для меня, я ведь всего лишь баронесса.

В груди Сэм что-то кольнуло, но она отбросила мерзкое чувство и сосредоточилась на Веронике.

– Позвольте ему самому решить, достойны вы его или нет. Если он в самом деле так хорош, как вам кажется, и если ваши чувства взаимны, то вскоре он сам даст об этом знать. Мы ведь на отборе, он для того и устроен, чтобы благородные господа могли выбрать себе невест.

– Н-но это же предательство порядка! А что если он... – Веронике снова зарделась, но на этот раз выглядела не столь-

ко испуганной, сколько смущенной.

Саманта вздохнула со смесью жалости и раздражения. С ней самой никто так не возился в юности.

– Дайте ситуации время. Быть может, ваше сердце успокоится, или человек окажется не так хорош, как выглядел. Позвольте порядку рассудить, – все же продолжила она, чувствуя, как ногти вновь впиваются в кожу ладони.

– А что... если чувства не успокоятся? Если он и сам... – спросила Веронике и затаила дыхание.

– Можете прийти ко мне снова, когда понадобится, – устало добавила Сэм.

Веронике вдруг взяла ее руку и, низко склонившись, коснулась губами острых костяшек пальцев.

– Это неправильно, но мне кажется, вы понимаете гораздо больше, чем мои сестры. Спасибо, – прошептала она, пряча смущение под пеленой светлых волос. – Я могу вас как-нибудь отблагодарить?

– Пожалуй, – Сэм мягко высвободила руку из тонких пальцев гостьи. – Можете дать мне одну из своих белых мантий? Не волнуйтесь, я не собираюсь никого обманывать или притворяться послушницей порядка, она нужна мне для дру-гого.

– Если вы так хотите – ладно. Я пришлю вам одежду со служанкой, – неуверенно кивнула Веронике и наконец ушла.

Саманта откинулась на спинку дивана и прикрыла глаза, выравнивая дыхание. Но слишком долго отдыхать ей не да-

ли: вскоре пришла служанка Веронике, оставила на кресле сверток серой ткани и тихо удалилась.

Уста богини открыла глаза. Расправила белую ткань, примерила балахон. Он действительно отлично подходил ей и по росту, и по ширине плеч. Оставалось лишь немного его доработать, на это и ушел остаток дня вместе с половиной ночи.

Рихард Нейдв

Когда очередная “невеста” как бы невзначай завела разговор о классической поэзии эпохи господства порядка, Рихард с трудом сдержал желание закатить глаза, словно высокомерный юнец. Они все издевались над ним. Вернее, издевалась одна конкретная, а остальные плясали под ее дудку, скорее всего даже не подозревая об этом.

– ... меня так восхищает простота рифм поэзии и форм живописи. Величественные храмы, воспетые и написанные лучшими творцами позапрошлого столетия, заставляют душу трепетать... – лепетала одна из девиц почти то же самое, что он уже не раз слышал за последние пару дней.

Рихард подавил очередной зевок и осмотрел просторную комнату. Личные встречи с кандидатками проходили в присутствии фрейлин и нескольких людей из его свиты. Сам примарх предпочел бы побеседовать с каждой из девиц наедине, но не хотел раздражать их высокородные семьи.

– Как интересно, – холодно прокомментировал Рихард,

когда бледная девица в неудачном фиолетовом платье наконец замолчала. – И кто же ваш любимый художник из плеяды этих великих творцов?

Девица улыбнулась, явно сочтя его вопрос за приглашение к дальнейшему разговору, и пустилась в длинное перечисление имен. Ее душа переливалась оттенками тщеславия и тревоги, и походила на увядающую розу в осеннем саду.

Рихард смотрел на ее блеклые глаза, правильные сдержанные движения, слушал хорошо поставленный голос и не чувствовал совершенно ничего, даже раздражения. Когда Даниэлла вплыла в комнату и наконец заявила, что отведенное им время вышло, Рихард с облегчением поднялся, склонился к руке “невесты” с символическим поцелуем и она с показательно-разочарованной улыбкой покинула комнату.

– Надеюсь, нам с вами еще доведется обсудить искусство, – шепнула она, и Рихард внутренне содрогнулся от такой перспективы.

Когда небольшую уютную гостиную покинули и фрейлины, Фридолин перестал сдерживать едкие смешки и расхохотался в открытую. Остальные придворные не решались столь явно демонстрировать веселье, но и на их лицах Рихард видел улыбки, а в душах – веселье.

– Немного мелочно для Сэмми, но я узнаю ее почерк, – сказал Фридолин, когда приступ смеха унялся. – Принести тебе на сон грядущий книгу о классическом искусстве? Будешь хоть понимать, о чем они вообще говорят, – и Фридо-

лин расхохотался снова.

— Моя плаксивая чайка явно не хочет, чтобы мы заскучали за три дня без ее общества, — проворчал Рихард, прохаживаясь по комнате, чтобы размять ноги. — Кто там еще остался?

— Сегодня — только Веронике Триссель, — ответил Фридолин, мельком заглянув в список.

Рихард остановился у окна, прикрыл глаза и тяжело вздохнул.

— Ладно. Быстрее начнем — быстрее закончим. Приглашайте ее, — наконец велел он и повернулся к двери.

Когда у входа показалась стройная беловолосая девушка в светлой мантии, Рихард на миг замер. Но заставив себя взглянуть не в глубины собственных воспоминаний, а на реальности, быстро расслабился и даже слегка заскучал.

Веронике фонила откровенным страхом, мялась и опускала взгляд в пол. Когда Рихард коснулся ее руки в светской имитации поцелуя, испуганно сжалась, но во взгляде не мелькало ни злобы, ни презрения — только смирение жертвенной овцы.

Когда послушнице монастыря порядка предложили присесть, она забилась в угол дивана, даже не пытаясь сохранять остатки достоинства.

Усаживаясь напротив, Рихард не впервые за минувшие десять лет подумал, что прятать благородных девиц в монастыри порядка лишь для того, чтобы сохранить их чистоту к моменту выдачи замуж — крайне жестоко. При его непосред-

ственном участии такая практика уже почти сошла на нет, но Веронике, должно быть, попала под покровительство храма еще в те времена, когда он даже не задумывался о троне примарха.

– Надеюсь, вам удобно во дворце, леди Триссель? Никаких проблем не возникало? – задал он тот же вопрос, что и остальным при встрече.

– Благодарю, Ваша Светлость, все замечательно, – ответила Веронике, дрогнув длинными ресницами.

“Сэм бы намекнула, что если у кого в этом замке и проблемы, то точно не у нее”, – неожиданно даже для себя подумал Рихард и улыбнулся.

– Я этому рад. Слышал, что среди конкурсанток вспыхивают споры. Вас они не коснулись? – продолжил идти по списку стандартных вопросов он.

“Проверку на крысу” придумал Лукас, и Рихард решил, что идея неплохая.

– Конечно нет! – в глазах и в душе Веронике полыхнуло возмущение. – Я вовсе не понимаю, почему номахис Деметер вызывает так много споров. Она замечательная! Пусть и суровая, и я иногда совсем ее не понимаю, но она точно не плохой человек!

Послушница наконец подняла голову, но стоило ее взгляду упасть за спину Рихарда, как щеки вспыхнули и она тут же снова опустила глаза.

Рихард и не оборачиваясь знал, что позади стоит Фридо-

лин, и нахмурился.

– Личность номахис сейчас меня не интересует. Расскажите о себе, леди Триссель. И о том, как вам жилось в монастыре. Должно быть, там очень спокойно, – поспешил перевести тему он.

Почувствовав, что попала на знакомую территорию, Веронике приободрилась и даже наконец выпрямила спину.

“Сэм скорее переломилась бы пополам, чем горбилась под чужими взглядами”, – снова подумал Рихард, но поспешил вернуть все свое внимание к собеседнице.

Рассказывая об однообразном быте монастыря порядка, Веронике еще пару раз поглядывала за спину Рихарду, но старалась тут же отвести глаза. Когда придворная дама наконец сообщила, что истекло и ее время, Рихард выгнал из гостиной всех, кроме Фридолина.

– Чем ты ее напугал? – спросил он прямо, как только остался с давним соратником наедине.

– Не пугал я ее, – уверенно ответил Фридолин, но все же Рихард видел смущение в его душе. И что-то еще, что прорастало в глубине, скрытое за другими эмоциями. Что-то хрупкое, но не похожее на жалость или сострадание.

– Тогда в чем дело?

– Помнишь вечер, который устроила Сэм? После того, как вы с ней уединились, все смогли наконец то немного расслабиться. Я выпил лишнего и когда Веронике заговорила что-то про чистоту, не удержался. Спросил, правильно ли, по ее

мнению, запирать лучшее из человеческих чувств лишь потому, что этого требует доктрина, – сдался Фридолин.

– И что она ответила? – подтолкнул товарища Рихард, скрещивая руки на груди.

– Ничего. Я потом пытался извиниться за нетактичный вопрос, но она меня избегала, – с досадой завершил историю Фридолин. – Как думаешь, что бы ответила на этот вопрос Сэм? Тогда, десять лет назад?

Рихард лишь пожал плечами.

– Откуда мне знать? Все тонкости доктрины порядка доступны только ее служителям. Спроси ее, если подвернется случай, – ответил он.

Глава 17

Саманта Деметер

Бьянка терзала струны лютни, инструмент болезненно стонал под резкими движениями сильных пальцев. Саманта расправляла на кровати наряд, в котором должна сегодня выступить на концерте. В окно подмигивал рассветный луч.

Наконец, мелодия оборвалась и Щит веры обернулась.

– Рихард не достоин таких трудов, – констатировала она, глядя на необычный балахон, над которым Саманта сидела почти двое суток.

Сэм вздохнула и отошла на пару шагов. Критически оглядела свою работу.

– Может быть, – кивнула она и повернулась к Бьянке. – Но это выступление нужно мне, понимаешь?

Уста богини подошла к подруге, которая сидела на диване, и прислонилась бедром к спинке.

– Не понимаю, – покачала головой Бьянка.

– Мне кажется, что так я смогу поставить точку... – Сэм виновато развела руками, а потом наклонилась, чтобы заглянуть подруге в глаза. – Всего одна мелодия. Сначала медленная, потом быстрее и злее. Для меня.

– Для тебя я бы играла сколько угодно. Я не хочу играть для него, – тихо возразила Бьянка, глядя подруге прямо в глаза.

Саманта не выдержала первой. Выпрямилась и отвернулась к окну. Несколько секунд между послушницами царила тишина.

– Прости, – тихо выдохнула Саманта.

Сэм подошла и, задумавшись принялась накручивать на палец локон ее жестких каштановых волос.

– Всего несколько минут.

Бьянка отвела от нее наполненный болью взгляд и вздохнула.

– Ладно, я сыграю. Но только один раз, – Щит веры прикрыла глаза и замерла, мечтая, чтобы этот момент редкого спокойствия растянулся на вечность.

Но увы, момент тишины вскоре прервала горничная. Саманта облачилась в свой сценический наряд и набросила поверх него темный плащ, чтобы не портить сюрприз.

Зал, где должен был проходить концерт, действительно оказался затемнен: окна закрывали плотные шторы, не пропускающие ни лучика солнца. Между зрительскими местами и сценой стоял ряд тусклых фонарей, но они лишь сгущали тьму вокруг себя вместо того, чтобы ее рассеивать.

Конкурсанткам подготовили места в отдельном ряду – так, чтобы они тоже могли наблюдать за соперницами, но при необходимости беспрепятственно уходили и возвращались, не слишком мешая другим зрителям.

Пока представление не началось, шторы в дальнем конце зала оставались распахнуты, чтобы гости не запинаясь об

стулья. В полумраке Саманта рассматривала других участниц отбора. Несмотря на обещанную Даниэлкой темноту, все они постарались выглядеть хорошо. Видимо на случай, если в финале хотя бы победительнице придется выйти на сцену – уже освещенную.

От кого-то разило показным спокойствием, кто-то явно нервничал. Саманта же по привычке держала спину прямо и двигалась уверенно, хоть и чувствовала, что сердце бьется чаще обычного.

Даниэлла уверяла, что порядок конкурсанток совершенно случайный, но Саманта подготовилась ждать своей очереди очень долго.

Когда дальнейшее окно тоже закрыли плотной тканью, Рихард еще некоторое время стоял в дверях и тихо обсуждал что-то с придворными. Весь зал дожидался, пока он наконец разберется с делами, в напряженной тишине, и когда примарх занял свое место в самом центре первого ряда удобных кресел перед небольшой сценой, герольд объявил первый номер.

Саманта нашла даже что-то умиротворяющее в том, чтобы сидеть и слушать голоса разной степени мелодичности почти в полной темноте. Было во всем действии что-то мистическое. И веселое в те моменты, когда некоторые из девиц брались цитировать постную классическую поэзию или петь заунывные длинные баллады.

Бьянка приятно отличилась в их ряду, не слишком мелодично, зато со свойственной ей широтой души сыграв одну

из простых и всем знакомых солдатских песен. Многие из бывших гвардейцев и нынешней свиты Рихарда даже хлопали и притопывали ногами в такт незамысловатой мелодии.

Лица Рихарда Сэм не видела: она сидела чуть дальше первого ряда и могла различать в свете фонарей лишь его широкие плечи. Примарх склонил голову на бок и подпер рукой, и даже по этому простому жесту Сэм догадалась, что никакого интереса к искусству в нем так и не проснулось. И злорадно улыбнулась, когда на смену бодрой песне Бьянки пришла очередная заунывная баллада о законах порядка.

– Номахис Деметер, ваш выход следующий, – прошептал ей герольд.

Сэм почувствовала, как сердце на миг замерло, и быстро поднялась. Бьянка дожидалась ее за кулисами, где тоже стоял лишь один тусклый фонарь.

– Все складывается как нельзя удачнее, да? – мрачно спросила Щит веры, поглядывая на скудное освещение.

Сэм кивнула.

– Даже не пришлось напрягать Рона и просить жаровню с кухни или выторговывать фонарь у Лукаса, – улыбнулась она.

Баллада, которую вполне неплохо исполняла Лилианна, все не кончалась. Самата поймала себя на том, что дергает ткань плаща, разжала пальцы, но вскоре они снова сомкнулись на одежде. Наконец певица замолчала, герольд объявил ее имя и титул, и герцогиня, грациозно поклонившись,

скользнула за кулисы. Заметив Сэм, хотела что-то ей сказать, но, напоровшись на тяжелый взгляд Бьянки, лишь озадаченно осмотрела черный плащ соперницы и поспешила вернуться в зрительский зал.

Как только герольд объявил следующий номер, Бьянка уселась за кулисами прямо на пол и начала наигрывать тихую мелодию. Самата, сбросив наконец плащ, скрыла лицо капюшоном и выступила на сцену. Пока она шла к центру мимо ряда тусклых фонарей и едва различимых в темноте лиц зрителей, ей казалось, что она вновь шагает сквозь строй гвардейцев под стенами Деметера. Ноги снова не гнулись, спина окаменела в прямоте, пальцы царапали ткань ослепительно-белого балахона.

Но стоило ей остановиться у центрального источника света и вскинуть руки, стоило поймать отблеск слабого огня во взгляде Рихарда, который сидел прямо напротив, как страх отступил, оставив на языке привкус горького ветра предгорий. Саманта глубоко вдохнула и начала медленно, почти скованно двигаться в такт пока еще нежной мелодии.

Рихард узнал ее с первой же секунды. Его не обманул белый балахон, ткань которого, отражая неровный свет, делала его носительницу похожей на призрака. Но ее гордая осанка, уверенность движений и зеленые глаза, сверкающие даже в темноте, не оставляли сомнений. Когда Саманта остановилась перед ним в свете ближайшего фонаря и вскинула руки, он вновь, как в первый миг их встречи, захотел сдернуть ее

со сцены и сорвать стон наслаждения с сухо поджатых губ.

В темноте зрители могли различать лишь белую ткань, которая намекала на плавные движения танцовщицы, но Рихард подался вперед, ловя каждое мгновение. Ему, который так отчетливо вспомнил ее тело, будто только вчера лежал с ней в шатре, не составляло труда дорисовать в воображении то, что от других скрывала темнота.

Саманта повела рукой, очерчивая в воздухе полукруг, затем сделала то же другой рукой и сложила ладони в мольбе послушниц храма порядка. И только он знал, как изящно в этот момент движение ее пальцев. Продолжая двигаться в такт музыке, она коснулась лба сцепленными в знаком пальцами, и подняла взгляд. Только Рихард знал, как тяжел ее взгляд в этот момент.

Мелодия постепенно набирала темп, и Саманта – вместе с ней. Скованные, робкие движения становились все свободнее, изгибы тела, очерченные легкой тканью, все откровеннее, и в тот момент, когда музыкант ударил по лютне, выбивая из нее особенно сильный аккорд, Сэм повернулась к залу спиной. Изыщным движением плеч сбросила балахон, и ее волосы, блестящие серебром в тусклом свете, упали на плечи. На миг темнота полностью скрыла ее тело, и Рихарду показалось, что она стоит перед ним обнаженная. Он сжал подлокотники кресла до боли в пальцах, но даже этого не заметил.

В то же мгновение танцовщица одним плавным движе-

нием вывернула белое одеяние наизнанку, придерживая за рукава, и вздернула, вновь набрасывая на плечи. Теперь ее тело окутывало бесчисленное множество переплетенных серебряных лент, нашитых на черную ткань. И уже эти ленты струились, лишь намечая, но не показывая резкие, злые и страстные движения, которые Рихард не столько видел, сколько угадывал на таком знакомом теле.

Саманта то выгибалась, словно в руках любовника, то почти припадала к земле, то вскидывалась, как испуганная птица, ее волосы метались, мешаясь с серебром одежды. И ровно в тот момент, когда Рихард был готов вскочить и утащить ее за кулисы, чтобы никто больше не смел смотреть даже на тень ее страсти, она вновь замерла с вздернутыми вверх руками.

Остановившись, Саманта вновь посмотрела в глаза Рихарда и победно улыбнулась. Если тогда, много лет назад, ей казалось, что его тяжелый, жадный взгляд марает ее, то теперь она чувствовала, что он ласкает ее, словно сильное и нежное прикосновение.

Музыка стихла, но Рихард так и продолжал сидеть, подавшись вперед. Догадавшись, что его гложет, Саманта опустила руки и оттянула пальцами воротник черной рубашки, который теперь торчал из-под балахона. Лишь после этого примарх откинулся на спинку кресла и облегченно выдохнул.

– Стерва, – шепнул он одними губами, но в его матово блестящих глазах Саманта видела неприкрытое, почти по-

хотливое восхищение.

Она не стала кланяться, когда объявили ее имя. Лишь кивнула в ответ на жидкие аплодисменты и удалилась. Она знала, что все, кроме Рихарда, видели лишь неровную пляску тканей в почти полном мраке.

После ее выступления Мириам, которая принялась читать наставление для молодых хаоситов, пришлось как нельзя кстати. Впрочем, Саманта, вернувшись на место, видела, что Рихард так и не сменил позы: до сих пор сидел, откинувшись на спинку кресла, и его плечи высоко вздымались в попытках отдышаться. Но, к его чести, он ни разу не обернулся.

Услышав за спиной шаги, Саманта напряглась.

– Не думайте, что меня обманула ваша уловка, номахис. После такого вы на отборе не задержитесь, обещаю, – прошипела ей на ухо Даниэлла.

И Сэм тут же расслабилась, переключив внимание на заученные наизусть строки.

Потом выступали еще какие-то девицы, одну из них даже объявили победительницей и вывели на сцену под несколькими фонарями, но Саманта больше не вслушивалась. Впервые в жизни она дышала так свободно, как сейчас. Она знала, что утром эйфория пройдет, оставив после себя разбивающую усталость.

Так и случилось. Однако отоспаться после представления ей не дали: влетевшая в спальню горничная сообщила, что сегодня Его Светлость соизволит лично встретиться с ней.

Саманте ничего не оставалось, кроме как наспех собраться и поспешить вслед за служанкой.

Когда Сэм вошла в уютную гостиную, на ней тут же скрестились недоуменные взгляды придворных. Никто из них не понял, чего она вчера хотела добиться на сцене, но многие пытались угадать. Безуспешно.

Рихард выглядел собранным и сдержанным, как обычно, но его взгляд остался таким же, как в полутемном зале.

– Все вон, – вдруг холодно скомандовал он. – Кроме номахис Деметер, разумеется.

На миг в гостиной повисла недоуменная тишина, но в следующий фрейлины и люди из свиты Рихарда поспешили к дверям, подталкивая друг друга в спины.

– Не слишком тут шумите, – усмехнулся Лукас, который выходил последним.

– А ты не слишком пыхти сегодня вечером. Мириам – моя соседка, и я не хочу слышать из-за стены ни звука, – не осталась в долгу Саманта.

– Ничего не обещаю, – рассмеялся Лукас и захлопнул, наконец, массивную дверь.

– Не стоит столь дурно думать о дворцовых стенах. Они достаточно широки, – выдохнул Рихард.

Сэм отметила, что как только они остались в одиночестве, он разом перестал походить на того собранного боевого генерала, каким всегда представлял перед подданными: его плечи опустились, лицо расслабилось, и даже взгляд слегка по-

тускнел.

– Лично проверял их звукопроницаемость? – спросила Саманта, только чтобы поддержать разговор.

– Бывало. Только не ври, что ты воздерживалась все эти десять лет, – не стал разыгрывать святость Рихард. – Садись.

Сэм опустилась в кресло, на которое он указал. Рихард остался позади, упершись локтями в деревянную высокую спинку и почти касаясь шеи послушницы сцепленным в замок ладонями.

– Не воздерживалась, – ответила честно на честность Саманта. – Это все, что тебя интересует?

– Разумеется не все. Но приятно знать, что мои старания не пропали даром, – улыбнулся Рихард и коснулся пальцем бьющейся на шее Сэм жилки.

Она не отстранилась, только прикрыла глаза.

– Старания? Тебе разве было не наплевать?

– А разве было похоже, что мне наплевать?

Рихард в пару шагов обогнул кресло и навис над Самантой, упираясь ладонями в подлокотники.

– Разве было похоже, что мне плевать, как ты будешь жить дальше? Как будешь смотреть на мужчин? Будешь ли бояться прикосновений? Будешь ли просыпаться ночами от кошмаров? – почти прокричал ей в лицо он.

Удивленная вспышкой его эмоций, Саманта открыла глаза. Вздернула голову и поджала губы. Так знакомо, что Рихард, тихо рыкнув, с силой ударил ладонями по обивке крес-

ла.

– Кого ты видишь, когда смотришь на меня, Сэм? – глухо спросил он, ловя ее ускользающий взгляд.

Уста богини растянула губы в кривой язвительной улыбке.

– Что ты надеешься услышать, Рихард? Может, хочешь, чтобы я назвала тебя спасителем? Желанным любовником? Или ты жаждешь наконец услышать... насильник?

Предыстория #3

Десять лет назад

Шатер Рихарда Нейдва, под стенами Деметера

Саманта не сопротивлялась, когда ее руки завели за спину и связали веревкой. И покорно вышла, когда Фридолин слегка подтолкнул ее в спину.

Оставшись в одиночестве, Рихард налил в бокал вина и поднес его к губам. Затем вернул на стол, так и не сделав ни глотка.

“И без того мерзко. Если буду еще и пьян, ситуацию это не украсит”, – решил он.

Оставалось только ходить вокруг стола, запахи еды с которого совсем не возбуждали аппетита.

Давние соратники герцога вернулись быстро. Лукас хлопнул его по плечу.

– Ну и характер у нашей номахис. Я думал, все послушницы храмов порядка – милые и скромные девы, – хохотнул он, но все трое понимали, что веселье наигранное.

– Характер моей номахис тебя не касается.

Рихард сбросил руку друга с плеча и вышел. Немного задержался на пути, вдыхая ночной воздух, но прохлада не помогала остудить взбудораженную кровь: мысль, что эта гордая женщина будет принадлежать ему сегодня же ночью, Рихарду нравилась, как бы тошно ему ни было это признавать.

Зайдя в шатер, герцог окинул взглядом открывшийся вид: номахис лежала поверх нескольких одеял, ее поднятые над головой руки по-прежнему стягивала веревка, привязанная к центральному столбу. Поза выглядела почти распятием. Слева тлела жаровня, так что даже несмотря на простор шатра в нем уже стало почти душно.

Или душно стало ему?

Рихард помедлил, позволяя себе и ей привыкнуть к ситуации. Ему никогда прежде не приходилось брать женщину силой: вокруг всегда было достаточно тех, которые готовы делить с ним постель добровольно. Идея насилия его не возбуждала. Но возбуждала Саманта.

“Я должен”, – напомнил себе он, сжимая пальцы в кулак.

Когда Рихард сделал несколько шагов вперед, она сжалась, и оттого просторная белая ткань балахона еще плотнее очертила изящные изгибы тела. Изучая их взглядом, герцог расстегнул верхнюю пуговицу на воротнике мундира.

– Если хочешь, я могу дать тебе сонное зелье. Ты ничего не почувствуешь, – предложил он, хотя ему самому претила мысль брать не женщину, а лишь ее обездвиженное тело.

– Нет, – Саманта качнула головой. – Хочу испытать всю боль за предательство.

Рихард все же прошел к сумке, которую укрывала густая тень, и вытащил из нее тонкую стеклянную колбу. Снял пробковую крышку и залпом выпил настой, поморщившись от резкого и горького вкуса.

– Что, без магии рука не поднимется на послушницу храма порядка? – ехидно спросила Саманта, посмотрев на Рихарда с вызовом, почти безумием в зеленых глазах.

Ее потрясывало, но язвительная улыбка не сходила с губ. От страха ее идеальное самообладание наконец давало трещину и злая, испуганная она казалась Рихарду еще более притягательной. А ситуация – еще более мерзкой. Но смолчать он не мог.

– На такую строптивую красавицу у меня все поднимется. Это зелье лишь избавит тебя от последствий ритуала. Впрочем, если хочешь от меня ребенка – только скажи. Я и нейтритизатор в монастыре хаоса прихватил, – ответил он, со злорадным удовольствием наблюдая, как лицо номахис искажается от ярости, а щеки заливаает краска.

Никакого нейтритизатора у него при себе не было.

Саманта отвернулась, и только сейчас Рихард заметил, что в ее прическе блестит длинная металлическая шпилька, мешающая ей положить голову на одеяла. Шагнул ближе и опустился на колено, чтобы вытащить украшение, но когда протянул руку, Саманта вздрогнула всем телом и попыталась отстраниться. Ее губы снова скривились в гримасе отвращения.

Рихард промолчал. Все же вытащил шпильку из белых волос, позволив им свободно упасть на плечи.

– Точно не хочешь уснуть? – снова спросил он.

– Я же сказала, что приму эту боль в наказание. Не смей

лишать меня этого! – выпалила она в ответ.

– Но я не хочу причинять тебе боль, – наконец сказал он и потянулся за кинжалом.

– Да? – Саманта нервно улыbnулась, взглянув на оружие в его руке. – Я конечно мало в этом понимаю, но всегда думала, что “пронзить” – это лишь метафора.

Рихард застыл, удивленный ее внезапным красноречием. Дрожь в голосе Саманты мешалась с язвительностью. Взгляд ее блеснул от слез, на горло дернулось от подступившего истерического смеха.

– Откуда такие глубокие познания? – с искренним любопытством спросил он, поддевая клинком тонкий белый шелк на острых плечах.

Раздевать номахис не было никакой необходимости, но он хотел увидеть все ее тело. И не хотел смотреть на белый балахон, который выделялся в темноте шатра, служа ему немым укором. Она дернулась, когда ткань разошлась вдоль швов с тихим треском, и снова сжалась.

“Это будет долгая ночь”, – подумал Рихард со смесью тяжести и предвкушения.

– Я кое что читала, – ответила Саманта, и ее голос снова дрожал то ли от страха, то ли от нервного веселья.

– Зачем? Разве послушницам храма порядка дозволено читать подобное? – спросил он, аккуратно избавляя нежное тело от излишней на его вкус ткани и чувствуя, как мышцы Саманты напрягаются, стоит ему коснуться ее кожи хотя бы

кончиками пальцев.

– Я должна была знать порок, чтобы бороться с ним, – ответила она, отвернувшись и зажмурилась. Лицо ее покраснелось, и Рихард прикусил щеку изнутри.

К тому моменту, как отзвучали ее слова, она лежала перед ним полностью обнаженная и тщетно старалась вжаться в одеяла.

– Тебе не холодно? – спросил Рихард, покосившись на жаровню.

Номахис, не открывая глаз, помотала головой.

– Посмотри на меня, – велел Рихард и потянулся к пуговицам мундира.

– Это тоже нужно для ритуала? – уже откровенно зло усмехнулась Саманта.

Рихард рванул пуговицы, теряя терпение.

– Если ты хочешь, чтобы я мирно ушел от Деметера, то будешь слушаться. Посмотри на меня и не смей отворачиваться, – повторил он.

Она повиновалась. Открыла глаза, повернула голову и уставилась на него холодным взглядом приговоренного к смерти, который хочет, чтобы все закончилось поскорее. Под этим взглядом осужденного и судьи Рихард невольно замедлился. Стянул мундир, рубашку, а когда взялся за ремень штанов, Саманта поджала губы, но продолжала смотреть на него, почти не моргая.

Оставшись в одних подштанниках, Рихард опустил на

колени и навис над ней. Даже в слабом свете жаровни он видел, что она сжалась еще сильнее, хотя ему казалось, что сильнее уже некуда.

– Уверена, что не хочешь зелье? – в третий раз спросил он, глядя в бездонную зелень широко распахнутых глаз.

– Уверена, – процедила сквозь зубы она. – Ты можешь лишить меня чести, но не гордости.

Не выдержав его взгляда, номахис снова отвернулась. На этот раз Рихард не стал ничего ей приказывать: пользуясь моментом, наклонился и коснулся губами нежной щеки. Саманта дернулась, будто от удара, ее губы сложились в знакомую и такую раздражающую гримасу отвращения.

– Что ты делаешь? – спросила она со злостью и недоумением.

Рихард отстранился и сжал руками ткань одеял по правое и левое плечо от Саманты. Немного подумав, вдруг улыбнулся.

– Начинаю ритуал, – ответил он как можно серьезнее. – Каждое его действие важно, и ты не должна сопротивляться, если не хочешь все испортить. А ты не хочешь, ведь моя армия все еще под стенами Деметера.

И снова поцеловал нежную щеку, потом еще раз – чуть ближе к уху, и слегка прикусил мочку, обнимая тонкую талию и прижимая номахис к себе всем ее натянутым как струна телом.

– Делай все, что я скажу, иначе ничего не выйдет, – шеп-

нул он в порозовевшее ушко. – Сейчас – расслабься.

Саманта вновь стиснула зубы, но медленно выдохнула. Рихард почувствовал, как ее тело становится мягче и податливее. Повел рукой по гибкой спине, вынуждая девушку чуть приподняться и открыть шею, тут же впился жадным поцелуем в забившуюся на ней жилку, чувствуя, как стремительно нарастает желание.

Повел рукой вниз, к упругому бедру, целовал шею, подбородок, и добравшись до губ, понял, что Саманта не имеет ни малейшего представления о поцелуях. Слегка отстранившись, взглянул в глаза, которые подернулись легкой дымкой растерянности.

– Повторяй за мной. Губами, – шепнул он.

Снова поцеловал, на этот раз чувствуя, как номахис неловко отвечает, впервые пытаясь подарить ласку мужчине, и эта ласка будоражила кровь сильнее, чем ухищрения опытных куртизанок.

Рихард чувствовал, что разрушает святыню, но уже не мог остановиться. Ласкал и терзал ее губы, шею, плечи, проводил языком по острым ключицам и прикусывал нежную кожу, а потом дул на красный след и чувствовал, как Саманта мелко вздрагивает – уже вовсе не от страха. Гладил и мял нежное тело, которое с каждым его движением становилось все более податливым.

Когда его пальцы скользнули по влажной коже между бедер, номахис всхлипнула. Рихард чувствовал, что она готова,

но взглянув на ее лицо, заметил блестящие дорожки слез и томно приоткрытые губы. Она больше не жмурилась – смотрела в ответ, хоть взгляд уже давно затуманился от незнакомых прежде ощущений.

Он снова коснулся губами соленой щеки и понял, что больше не выдержит. Вклинился между ее бедер, прижимая к земле всем телом, и присвоил – слишком резко.

Саманта дернулась, и оба на миг замерли.

– Тебе больно? – спросил Рихард, ища ответ в бездонной зелени глаз.

Саманта промолчала, но когда он начал медленно двигаться, все же зажмурилась и прикусила губу почти до крови. Рихард прервал ее попытку причинить себе боль новым поцелуем и провалился в лавовое озеро желания.

– Ненавижу, – шепнула она, невольно ловя ритм его учащающихся движений.

– Имеешь право, – ответил он, прижимая ее к себе.

Чувствуя, что близится пик, зашептал слова древнего ритуала. Боль стальным обручем стиснула голову, мир вокруг на миг поплыл, теряя четкость очертаний, Саманта отвернулась и глухо застонала. Когда старинная песнь отзвучала, тяжелое дыхание обоих показалось оглушительным.

– Скажи мне “да”, – в полубеспамятстве выдохнул он, когда все почти закончилось.

От последнего резкого толчка Саманта снова глухо всхлипнула, но промолчала.

Рихард ненадолго отстранился, рассматривая блестящее от слез белое лицо, сжатые губы, слушая частое дыхание и чувствуя ее жар. Провел ладонью по влажной коже на внутренней стороне бедра, чувствуя, как ее телом вопреки воле разума снова овладевает желание.

– Даже не надейся, что меня обманет твое молчание, – прошептал он и снова прильнул к ее губам, вдавливая в мягкие одеяла.

Сэм резко выдохнула и отвернулась, прерывая поцелуй. Тогда Рихард стал снова ласкать ее шею, на этот раз позволяя рукам гораздо больше, чем невинные поглаживания. Он хотел, чтобы она умоляла его продолжить, но хватило одного ее тихого стона, насильно сорванного со ставших вдруг такими чувственными губ, чтобы он снова потерял над собой контроль.

– Ненавижу, – вновь шепнула она, ощутив его в себе, но так томно, что Рихард даже не осознал смысла слова.

На этот раз ему не нужно было думать о ритуале. Он мог просто любить ее – не потому что должен, а лишь потому, что хотел так сильно, как никогда не хотел женщину прежде.

Утром Саманта рывком села, привычно сбрасывая с себя оковы сна.

“Надо заглянуть к наставницам перед утренней службой”, – мельком подумала она, растерянно оглядывая шатер.

Через неплотно задернутый полог пробивался робкий рассветный луч. Жаровня давно погасла, но от нее по-преж-

нему вяло теплом.

Номахис опустила взгляд на руки: все еще связанные, но больше не прикованные к столбу, потом взглянула пустыми глазами на Рихарда. Он спал, прикрыв глаза от утреннего света рукой. Она больше не видела сверкающий клинок, только усталого молодого мужчину, на лице которого залегли глубокие тени. От прежней ясности, которую она испытывала всякий раз, когда смотрела на людей, остался только слабый отблеск.

Саманта вздрогнула, и тут же сжалась, осознав, что по-прежнему совершенно обнажена. Ее губы затряслись, но она решила во что бы то ни стало не плакать и продолжила растерянно оглядываться в глупой надежде, что шатер – лишь видение, и что скоро ткань превратится в белую краску на стенах ее кельи. Но этого так и не произошло.

Вскоре она заметила у столба серебряную заколку с острым концом. Нагнувшись, подобрала ее и сжала в руке, повернув острием к шее. Часто дыша, зажмурилась. Сердце колотилось в груди, так сильно, что грозило переломить ребра, и Саманте показалось, что если она в следующий миг не погибнет по собственной воле, то оно разорвется, и финал в любом случае будет один.

Она отвела заколку подальше, чтобы сделать точный удар, но вдруг ее руки оказались прижаты к телу, кожу опалило чужое тепло, в ноздри ударил запах пыли, пота и что-то еще. Терпкое, сильное, от чего по телу пробежали мурашки.

Пока она пыталась отдышаться, закладка выскользнула из рук и, отброшенная, глухо звякнула о металлическую пряжку на сумке.

– Незачем, – прошептал Рихард, крепко сжимая руки Саманты и не позволяя ей вырываться. – Все уже закончилось. Ты можешь вернуться домой.

Саманта замерла в его руках и затряслась всем телом. Чувствовала, как к щекам подступает жар, как сердце, едва успокоившись, снова заходится в бешеном ритме. Но вопреки страху в груди тугой пружиной сжалось неправильное, истерическое веселье. Все происходящее казалось Саманте абсурдным, и оттого вдруг ужасно смешным.

Не в силах сдерживаться, она расхохоталась, и над лагерем разнесся ее смех, похожий на плаксивый крик чайки.

Лукас и Фридолин, которые уже вышли к главному костру, встревоженно переглянулись. Весь лагерь, в котором уже начинала гудеть жизнь, с ужасом и благоговением затих на несколько мучительных минут.

– Спасаешь меня? Ты? – дрожащими губами пробормотала она. – Какая глупость! Или...

Ощувив, что хватка Рихарда стала слабее, она оттолкнула его и вздернула голову, чтобы посмотреть в глаза, наполненные тоской вперемешку с желанием.

– ... хочешь спасти свою совесть? Поздно! Твоя душа была безупречна, идиот. Но теперь ты поставил на нее пятно ржавчины. И оно разрастется, как ни очищай, – выпалила

она ему в лицо.

Рихард положил ладонь ей на затылок и вынудил приблизиться. Втянул носом запах ее волос.

– Будешь дерзить – оставлю тебя себе, – проворчал он.

Саманта дернула плечом.

– Ты не заставишь меня молчать. Никто теперь не заставит. А если оставишь рядом, я не дам тебе забыть обо всем, что ты сделал. Ни на секунду. Впрочем, ты и без моих напоминаний не забудешь, – злорадно прошипела она в ответ, вынужденная утыкаться носом в его шею.

Рихард медленно выдохнул, обхватил руками стройную талию Саманты и наклонился, чтобы поцеловать ее в отместку за жестокие слова.

– Рид, ты там живой вообще? Боюсь спросить, что ты показал номахис, что она так расхохоталась? – прокричал снаружи Лукас.

– Скоро выйду! – раздраженно ответил Рихард и рывком поднялся. – Все готово к отступлению?

– Да! Давай быстрее, пока каша не остыла. И Чайку свою веди, она тоже поди устала за ночь, – рассмеялся Лукас.

Рихард вытащил из походной сумки одежду и бросил Сэм, стараясь на нее не смотреть. Не потому, что не хотел смущать: знал, что если засмотрится слишком надолго, отступление от Деметера придется отложить как минимум на пару часов.

– Одевайся. Позавтракаешь с нами и можешь возвращать-

ся в город, – пояснил он, торопливо застегивая пуговицы сорочки.

Саманта тоже зашуршала тканью, поспешно скрывая от мира наготу. Рихард облегченно выдохнул.

– Допустим, позавтракаю, но я не могу вернуться, – проворчала Саманта, сосредоточено проделывая пряжкой новую дырку в кожаном ремне.

– Почему? – Рихард наконец обернулся и заметил, насколько она бледна и как сильно дрожат ее руки.

Приступ полубезумного веселья отступил, и она снова смотрела на мир пустыми глазами. Подойдя, он помог Саманте справиться с ремнем и вздернул ее на ноги. Пришлось придержать, потому что ей не сразу удалось поймать равновесие на трясущихся ногах.

– Я опорочена, и теперь больше не послушница храма. У меня нет силы, и отцу я бесполезна. Он казнит меня за измену – в лучшем случае, – медленно произнесла она, будто и сама только сейчас в полной мере осознала свое положение.

– Значит, поедешь со мной в столицу, – быстро решил Рихард и шагнул к выходу из шатра.

– Нет! – крикнула Саманта испуганно, ее взгляд заметался и остановился на пустой колбе от зелья, которая до сих пор лежала возле сумки. – Отвези меня в монастырь хаоса. Там мне теперь самое место.

Глава 18

C

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.